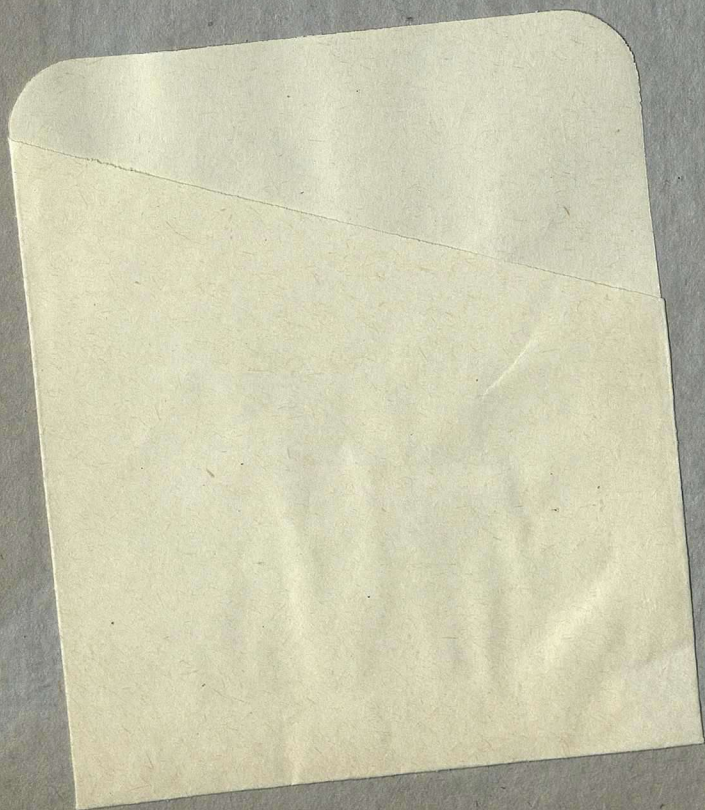

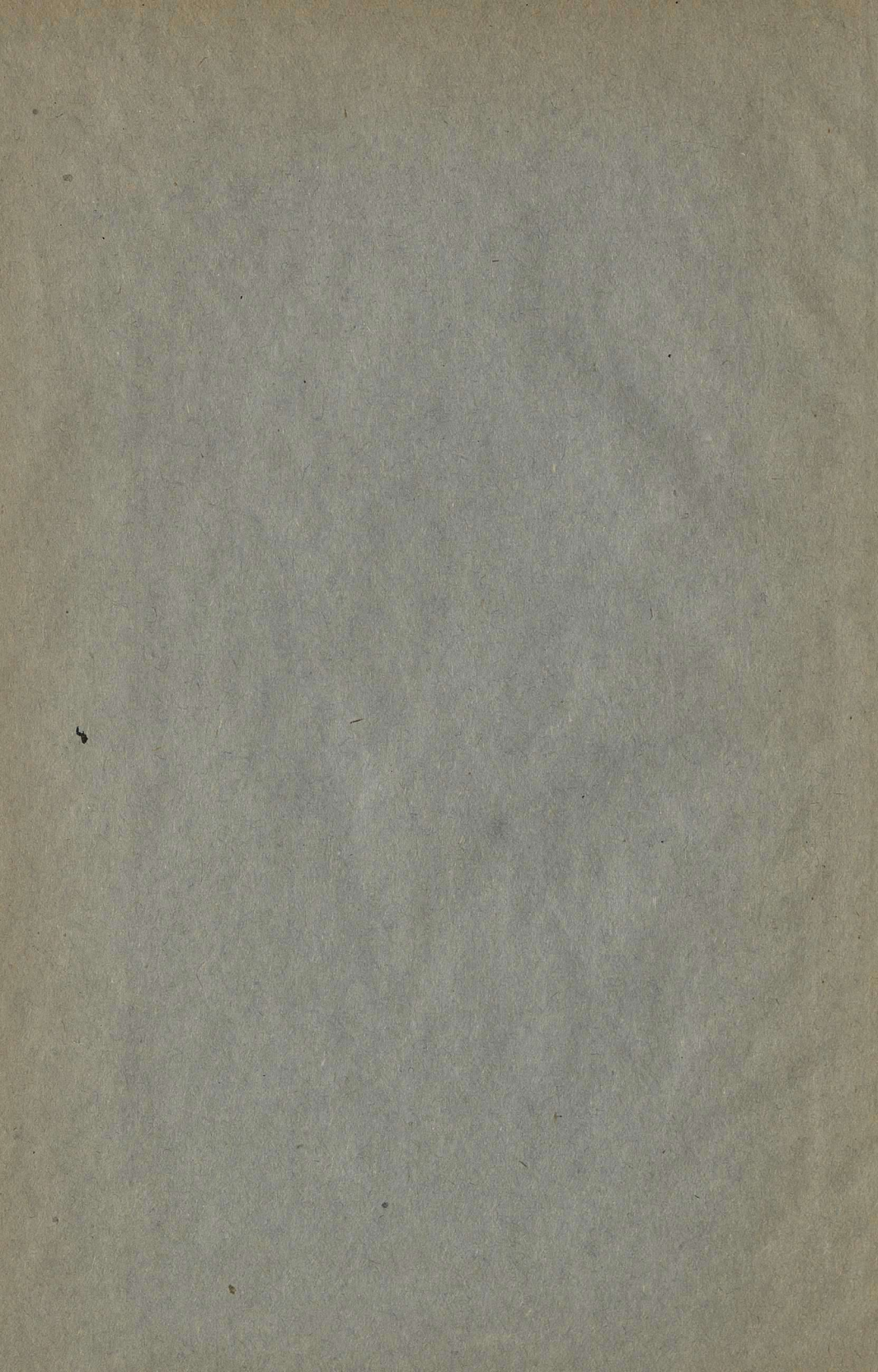
Цурмков

Воспоми.
о
Войне
1877-1878

E $\frac{100}{392}$

ЭБ

100
392

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ

1877—1878 гг.

С. А. ЦУРИКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ

F 100
392

801-20
1497

1877—1878 гг.

С. А. ЦУРИКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

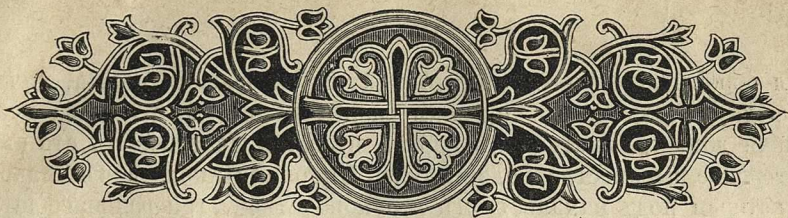
1901

Дозволено цензурою 14 февраля 1901 г. С.-Петербургъ

2007344329

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ 1877-1878 ГОДОВЪ.

I.

О ВОЛѢ его императорскаго высочества главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича Старшаго, я былъ вызванъ 1 апрѣля 1877 года въ г. Кишиневъ изъ Варшавы, мѣста расположенія л-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, въ которомъ я служилъ. Черезъ 24 часа по полученіи телеграммы я уже собрался въ дорогу, поставилъ въ вагонъ верховыхъ лошадей и послѣ напутственнаго молебна выѣхалъ по назначенію. Когда въ Кишиневѣ явился я къ главнокомандующему, его высочеству угодно было обратить вниманіе на мой скорый пріѣздъ и милостиво замѣтить, что я успѣлъ прибыть быстро, по-кавалерійски. Вскорѣ пріѣхалъ въ Кишиневъ государь императоръ, и затѣмъ я былъ посланъ въ мою первую командировку къ генералу Скобелеву I-му для передачи письменнаго приказанія перейти границу, такъ какъ война была уже объявлена.

У генерала Скобелева I-го я встрѣтилъ временно прикомандированнаго къ нему адъютанта главнокомандующаго, штабъ-ротмистра Дерфельдена I-го. Привезенное мною извѣстіе объ объявленіи войны и началѣ военныхъ дѣйствій произвело на всѣхъ глубоко-радостное впечатлѣніе. Послѣ этого кавказская казачья бригада тронулась впередъ и благополучно перешла границу; я же вернулся обратно въ Кишиневъ. Спустя нѣкоторое время, насъ, ординарцевъ, потребовали въ Плоэшти, гдѣ затѣмъ были организованы и посланы

для обрекогносцированія береговъ Дуная небольшія партіи, каждая изъ двухъ или трехъ человекъ развѣдчиковъ. Мнѣ выпала счастливая доля находиться въ партіи, въ коей участвовалъ его императорское высочество, великій князь Николай Николаевичъ Младшій, и которая подъ начальствомъ и руководствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухотина произвела рекогносцировку у Ольтеницы противъ Туртукай.

Въ то время Дунай былъ въ полномъ, необычайно многоводномъ разливѣ, и только у самой Ольтеницы теченіе рѣки, урегулированное дамбою, давало возможность перестрѣливаться съ появлявшимся на противоположномъ берегу непріателемъ; но успѣхъ подобныхъ перестрѣлокъ для обѣихъ сторонъ былъ сомнителенъ, хотя у насъ и случались весьма незначительныя потери отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня. Такія же потери были, вѣроятно, и у турокъ. Однажды, утромъ, одинъ изъ казаковъ на мѣстѣ положилъ изъ берданки двухъ турокъ, рискнувшихъ слишкомъ близко подойти къ рѣкѣ за водой.

Туртукай стоитъ на горѣ, и вообще характеръ его мѣстности похожъ на Систовскую. Въ то время у Туртукай возводились укрѣпленія. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ командировки мнѣ поручено было отвезти пакетъ къ князю Святополкъ-Мирскому и остаться въ его распоряженіи. Князя и его дивизію я догналъ на послѣднемъ переходѣ къ городу Александріи, гдѣ я и явился къ нему передать пакетъ. Потребовавъ меня къ себѣ раннимъ утромъ слѣдующаго дня, князь вручилъ мнѣ пакетъ и при этомъ сказалъ:

— Передайте въ городѣ Зимницѣ командиру Брянскаго полка. Предупреждаю васъ, что, въ виду чрезвычайной важности порученія, именно посылаю васъ, какъ ординарца главнокомандующаго, и увѣренъ, что пакетъ передадите точно и быстро въ собственныя руки командира полка.

Исполнивъ въ точности возложенное на меня порученіе и получивъ въ Зимницѣ отъ командира Брянскаго полка расписку, я отправился къ своимъ бывшимъ однополчанамъ, лубенскимъ гусарамъ, которые послѣ радушнаго пріема предложили мнѣ посмотреть Дунай, городъ Систово и все, что казалось тогда особенно интереснымъ и достойнымъ вниманія. Я воспользовался этой поѣздкой для рекогносцировочныхъ цѣлей: набросалъ въ памятной книжкѣ кроки и сдѣлалъ довольно полное описаніе береговъ Дуная, находившихся тамъ укрѣпленій, города Систова и общаго характера мѣстности на болѣе выдающихся пунктахъ. По окончаніи этой рекогносцировки, на разсвѣтѣ, я выѣхалъ обратно въ городъ Александрію, гдѣ встрѣтилъ конвойныхъ казаковъ. Ихъ присутствіе въ этомъ городѣ удивило меня, но лично знавшій меня старшій урядникъ объяснилъ мнѣ суть дѣла: въ Александріи инкогнито находился главнокомандующій; пріѣздъ его императорскаго высочества составляетъ большую

тайну. Слѣзши съ коня у квартиры князя Святополкъ-Мирскаго, я вошелъ съ докладомъ въ комнату, гдѣ засталъ главнокомандующаго и тутъ же находившихся—начальника штаба генерала Непокойчицкаго, помощника его генерала Левицкаго и генераловъ Радецкаго и Драгомірова. Его императорское высочество, поздоровавшись со мной, спросилъ меня:

— Ты откуда?

— Изъ Зимницы,—отвѣчалъ я.

— Вотъ и прекрасно! Разсказывай, что ты тамъ видѣлъ.

Тогда по своей памятной книжкѣ и по лежащей на столѣ картѣ я сдѣлалъ подробный докладъ, которымъ главнокомандующій остался доволенъ и затѣмъ спросилъ меня:

— Ты здѣсь упоминаешь объ островѣ, а былъ ли ты на немъ? Топкій онъ или нѣтъ?

— На немъ я не былъ, — отвѣчалъ я, — но видѣлъ тамъ пасущихся лошадей, которыя ходятъ по немъ совершенно свободно, не проваливаясь..

— Вотъ видите, что я правъ! — изволилъ замѣтить главнокомандующій, милостиво поблагодарилъ меня за рекогносцировку и назвалъ молодцомъ, присовокупивъ при этомъ:—за рекогносцировку назначаю тебя въ распоряженіе генерала Драгомірова, а пока отправляйся въ деревню Драчи, никому не говори, что ты меня здѣсь видѣлъ, и дожидайся тамъ.

Протившись съ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, княземъ Святополкъ-Мирскимъ, я съ радостнымъ чувствомъ, что угодилъ главнокомандующему, отправился въ деревню Драчи, смутно догадываясь, куда и зачѣмъ поѣхалъ его императорское высочество, и почему именно его интересовала моя рекогносцировка. Предстояла переправа, ожидался первый бой, веденіе котораго вѣрялось избранному генералу Драгомірову, который своимъ рѣшительнымъ движеніемъ впередъ долженъ былъ сдѣлать починъ цѣлому ряду грозныхъ, кровавыхъ событій. И неужели я назначенъ въ его распоряженіе? Это была великая для меня честь: въ столь громадномъ государственномъ дѣлѣ, въ первомъ бою мнѣ предстояла возможность тоже принести свою посильную долю пользы. Подѣзжая къ деревнѣ Драчамъ, я встрѣтилъ подходящую туда же на ночлегъ главную квартиру. Этой встрѣчѣ я очень обрадовался, потому что при главной квартирѣ находились мои вещи, и я могъ перемѣнить бѣлье, запастись необходимѣйшимъ предметами и отдохнуть до пріѣзда главнокомандующаго. На другой день пріѣхалъ его императорское высочество и передъ вечеромъ потребовалъ къ себѣ въ палатку великаго князя Николая Николаевича Младшаго и меня. Когда мы вошли въ палатку, главнокомандующій обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Я васъ назначаю на переправу въ распоряженіе генерала

Драгомірова; будете состоять при немъ и исполнять его приказанія, вернетесь же обратно, когда онъ васъ откомандируетъ. Помните, вы никому не должны говорить, зачѣмъ и куда вы посланы; и если я узнаю, что тайна предстоящаго дѣла сдѣлается извѣстной по вашей неосторожности, то я тебя, — главнокомандующій обратился къ своему сыну и потомъ указалъ на меня, — и тебя прикажу разстрѣлять. Въ Зимницу вы должны вѣхаться такъ, чтобы не обратить на себя вниманія.

Послѣ этого главнокомандующій благословилъ, обнялъ и поцѣловалъ сына, а мнѣ милостиво подаль руку.

Мы тотчасъ же съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправились снаряжаться въ путь и задолго до разсвѣта уже слѣдовали къ Зимницѣ. Съ нами были еще л.-гв. казачьяго полка корнетъ Яновъ, назначенный состоять при великомъ князѣ, да три казака того же полка. Недоѣзжая верстъ около десяти до Зимницы, мы рѣшили остановиться и дожидаться вечера, чтобы вѣхаться въ городъ впотьмахъ. Мы сдѣлали привалъ у сливающегося съ Дунаемъ огромнаго озера, вдоль берега котораго стояли аванпосты отъ Лубенскаго гусарскаго полка. Здѣсь я встрѣтился съ моимъ старымъ товарищемъ Роговцовымъ, у котораго почему-то все лицо было исцарапано и заклеено липкимъ пластыремъ. Оказалось, что наканунѣ лошадь понесла его въ лѣсу, и онъ обѣ вѣтви исцарапалъ себѣ лицо. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ. Та же лошадь, какъ я потомъ узналъ, вскорѣ послѣ переправы, во время одной изъ схватокъ Лубенскихъ гусаръ съ черкесами опять понесла его и врѣзалась въ отступавшую подъ натискомъ гусаръ черкесскую сотню; эта рѣзвая и дурного нрава лошадь настолько и такъ быстро отдѣлилась отъ своего эскадрона, что не было никакой возможности выручить любимаго всѣми корнета Роговцова, который, у всѣхъ на глазахъ, до того былъ изрубленъ черкесами, что по окончаніи дѣла нельзя было разыскать его останковъ. Уже совершенно стемнѣло, когда мы, вѣхавъ въ Зимницу, безъ особеннаго труда нашли домъ начальника дивизіи. Оказалось, что у него собрались начальники частей, и мы, въ ожиданіи возможности явиться, сѣли на скамейку возлѣ крыльца. Мы страшно проголодались, такъ какъ сѣстнаго ничего съ собой не взяли; а тутъ, какъ нарочно, генеральскій денщикъ изъ свѣжаго, еще теплаго хлѣба приготовить бутерброды. Наконецъ, стало не терпѣжь, и я обратился съ просьбой къ денщику дать намъ немного хлѣба, но получилъ категорическій отвѣтъ, что хлѣбъ, молъ, готовится для генерала, и шабашъ! Долго еще намъ пришлось сидѣть на скамейкѣ, нюхая запахъ свѣжаго хлѣба. На этотъ разъ его высочество говорить мнѣ:

— Бѣтъ хочется ужасно! Прошу васъ, сходите еще разъ къ денщику и дайте ему за кусокъ хлѣба нѣсколько золотыхъ.

Я опять отправился, рассчитывая вѣрнаго слугу соблазнить золотомъ, но моя экспедиція снова не увѣнчалась успѣхомъ, и я получилъ, несмотря на предложенные червонцы, все тотъ же роковой отвѣтъ, что хлѣбъ, молъ, для генерала. Послѣ этой новой неудачи пришлось терпѣливо ожидать времени представленія генералу. Вотъ, наконецъ, на лѣстницѣ послышались голоса и явственное приказаніе генерала:

— Проси пріѣзжихъ.

Мы вошли въ комнату и выстроились по старшинству. Генераль, никому не подавая руки, cadaго изъ насъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы и сказалъ:

— Удивляюсь, зачѣмъ его высочество прислалъ васъ ко мнѣ; у меня и своихъ есть много, управимся и безъ васъ. А впрочемъ это—его воля, поэтому будьте при мнѣ.

Генераль поклономъ далъ намъ знакъ удалиться; мы вышли и опять сѣли на ту же злосчастную скамейку, а денщикъ все еще не кончилъ своей возни съ бутербродами, и запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба такъ и стоялъ въ воздухѣ. Вдругъ до нашего слуха долетѣлъ сигнальный рожокъ у турокъ. Мы подумали, что неприятель замѣтилъ приготовленія къ переправѣ; но потомъ оказалось, что это былъ обѣденный сигналъ. Вотъ послышался скрипъ колесъ. Это везли понтоны для спуска въ рукавъ Дуная, откуда они должны были пройти въ самую рѣку, взять на себя десантъ для переправы его на турецкую сторону. Вышелъ генераль, мы встали и пошли за нимъ. За генераломъ тронулись откуда-то вдругъ появившіяся войска. Слѣдовали сперва берегомъ рукава, потомъ спустились внизъ, перешли устланный соломой мостикъ, еще прошли съ версту по сухому иловатому острову и очутились на берегу Дуная. Все время слѣдованія соблюдалась полная тишина безъ всякихъ разговоровъ, и приказанія отдавались шопотомъ. Впрочемъ, каждый такъ хорошо зналъ свое дѣло, что и безъ приказаній, казалось, было бы можно обойтись. Противоположный берегъ Дуная намъ казался черною линіей. Ночь была лунная, но иногда набѣгавшія тучки заволакивали луну, и тогда становилось темно; когда же луна опять выплывала изъ-за тучекъ, становилось такъ свѣтло, что съ противоположнаго берега турецкіе часовые, казалось, не могли не замѣтить стоящихъ на берегу нашихъ баталіоновъ. Чтобы убѣдиться, насколько наши баталіоны могли быть замѣтны туркамъ, я хотѣлъ отойти на разстояніе, приблизительно равное ширинѣ Дуная, но не успѣлъ я сдѣлать около ста шаговъ, какъ баталіоны мнѣ уже казались черными кустами, тѣмъ болѣе, что лѣвый флангъ дѣйствительно примыкалъ къ кустамъ, гдѣ впоследствии былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Погода стояла тихая, лишь къ утру посвѣжѣло. Артиллерія заняла свои

мѣста: одна часть ея стала правѣе сборнаго пункта, а другая—много лѣвѣе рощи, въ которой былъ перевязочный пунктъ, приблизительно противъ Вардина.

II.

На основаніи свѣдѣній, добытыхъ во время прежнихъ рекогносцировокъ, расположеніе турецкихъ силъ, какъ оно потомъ въ дѣйствительности и оказалось, предполагалось слѣдующее: надъ угловой и фронтальной батареями, возведенными каждая на четыре орудія, расположенъ былъ на горѣ у Систова лагерь трехтысячнаго турецкаго отряда; вдоль берега рѣки стояли посты; у устья ручья Текирь-Дере находилась занятая пѣхотной частью караулка и у Вардина, восточнѣе Систова,—семитысячный турецкій лагерь. Тихо, безъ всякаго шума, подошли понтоны и лѣвыми бортами причалили къ берегу. Начальникъ дивизіи перекрестился, сказалъ: «съ Богомъ», и махнулъ рукой. Началась переправа. Все было заранѣе предусматрѣно, обдуманно и расписано, какъ по нотамъ: каждый безъ суеты пошелъ на свое мѣсто. Люди, снимая фуражки и крестясь, стали садиться на понтоны, головная часть десанта тихо отчалила. Съ понятной среди подобной обстановки тревогой ожидали мы, что каждое мгновеніе тайна нашего смѣлаго предпріятія будетъ открыта непріателемъ; но наши опасенія были напрасны: турки спали непробудно, и первый рейсъ выгрузился безъ выстрѣла. Люди штыками перекололи засѣвшую въ караулку у Текирь-Дере пѣхотную часть, разломали эту постройку и заняли ближайшую возвышенность. Тогда только турецкіе часовые догадались открыть огонь по подходящимъ къ берегу понтонамъ. Поднялась тревога. Наши понтоны обратно причаливали къ берегу и съ новыми частями десанта опять переправлялись черезъ рѣку. Систовскія батареи открыли огонь, но гранаты, высоко перелетая надъ нами, падали въ позади находящуюся глубокую лужу, со дна которой, безвредно разрываясь, подымали высокіе столбы воды. Въ это время стало свѣтать, поднялся свѣжій вѣтеръ, взволновавшій поверхность рѣки. Семь понтоновъ быстрымъ теченіемъ были снесены ниже устья ручья Текирь-Дере къ вардинскому лагерю, откуда уже поспѣшаль къ берегу поднятый тревогой непріатель, и именно къ этому мѣсту сносило наши понтоны. Издали казалось, что гребцы совсѣмъ перестали работать и не стараются пристать къ берегу, а на самомъ дѣлѣ они выбивались изъ силъ, чтобы высадиться у Текирь-Дере. Быстрое теченіе несло ихъ на вѣрную гибель: лишь только понтонъ подплывалъ къ скалистому берегу, занятому турецкими таборами, раздавался ружейный залпъ, и понтонъ шелъ ко дну рѣки. Пока подходилъ новый понтонъ, турки успѣвали зарядить ружья, и снова раздавались залпы. Та-

кимъ образомъ одинъ за другимъ погибли семь понтоновъ съ двумя орудіями и лошадьми, а съ ними цѣлые десятки людей, и роковое мѣсто безплодной гибели безслѣдно сглаживалось набѣгающими волнами Дуная. Только нѣсколько человѣкъ успѣли спастись вплавь. Изъ нихъ я потомъ видѣлъ артиллериста и матроса, который, получивъ много огнестрѣльныхъ ранъ, былъ вынесенъ теченіемъ на необитаемый островъ, гдѣ на третій или четвертый день нашли его наши моряки едва живого отъ потери крови и голода. Вскорѣ онъ умеръ въ Зимницкомъ госпиталѣ. Съ этимъ героемъ-страдальцемъ связано воспоминаніе объ одномъ изъ многихъ высокочеловѣчныхъ поступковъ въ Бозѣ почившаго великаго освободителя Болгаріи. Всѣмъ участникамъ послѣдней кампаніи навсегда незабвенны христіанскіе подвиги царя, когда онъ появлялся по возможности всюду, гдѣ только страдалъ нашъ богатырь-солдатъ, и благодатнымъ взоромъ, отечески протянутой рукой облегчалъ тяжкія страданія множества раненыхъ. Узнавъ о безнадежномъ положеніи израненнаго моряка, его величество навѣстилъ его въ больницѣ, утѣшилъ страдальца своей высокой монаршей милостью и собственной рукой возложилъ на него знакъ отличія военнаго ордена. Насколько помнится, это былъ первый знакъ, пожалованный въ минувшую войну.

Перестрѣлка на турецкомъ берегу все усиливалась, но я не могъ по направленію огня разобрать, гдѣ находились наши, а гдѣ—турки. Поэтому я обратился за разъясненіемъ къ генералу, который отвѣчалъ:

— Самъ не знаю, но пора ѣхать туда.

На поданный понтонъ вошли генералы Драгоміровъ и Скобелевъ, начальникъ штаба Якубовскій, капитаны: адъютантъ великаго князя Ласковскій и Сухотинъ, штабсъ-капитанъ Котельниковъ и я. При этомъ генераль Драгоміровъ обратился къ великому князю Николаю Николаевичу Младшему съ слѣдующими словами:

— Ваше высочество, поручаю вамъ дальнѣйшія наблюденія касательно посадки людей на понтоны и ихъ отправленія.

Въ эту минуту артиллерійскій бой былъ въ полномъ разгарѣ. наши снаряды осыпали Систовскую батарею, которая держалась стойко и непрерывно посылала къ намъ отвѣтные чугунные гостинцы. Отъ усиленнаго и мѣткаго огня систовскихъ батарей мѣсто посадки нашихъ войскъ сдѣлалось весьма опаснымъ; въ виду этого во избѣжаніе возможности замѣшательства въ частяхъ, которыя впервые попадали въ сферу огня, назначеніе великаго князя руководствовать столь важнымъ въ данную минуту дѣломъ быстрой и непрерывной посадки войскъ на понтоны было во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразно. Присутствіе сына августѣйшаго главнокомандующаго на такомъ жаркомъ пунктѣ, какъ мѣсто переправы, сильно ободряло и успокаивало необстрѣленныхъ солдатъ. Въ

этомъ назначеніи между прочимъ сказалась военная опытность М. И. Драгомірова, глубоко понимавшаго всю великость совершающагося событія, равно какъ и вѣранныхъ ему подчиненныхъ. Какъ оказалось впоследствии, нервное напряженіе на мѣстѣ переправы было такъ велико, что одинъ изъ болѣе значительныхъ начальниковъ подвергся душевной болѣзни. По нашему понтону во время переѣзда черезъ рѣку пущено было нѣсколько безвредныхъ пуль, и мы благополучно пристали къ берегу, возвышавшемуся глинистымъ отвѣсомъ, на которомъ стояла уже разрушенная караулка. Какъ только мы вошли въ ущелье ручья Текирь-Дере, то сразу очутились въ сферѣ жестокаго ружейнаго огня. Раздавались потрясающіе душу ожесточенные возгласы нашихъ и турокъ, но трудно было что нибудь видѣть, потому что все ущелье покрыто было рощами, садами и виноградниками, равно какъ и постепенно возвышающіяся надъ нимъ и сжимающія его горы. Выбѣжавшій впередъ генералъ Скобелевъ быстро ориентировался и вернувшись сказалъ генералу Драгомірову:

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю тебя съ побѣдою!

— Ты почему знаешь, развѣ разберешь, что они кричатъ?—спросилъ генералъ Драгоміровъ.

— Это ничего, что они кричатъ вздоръ; люди первый разъ въ бою и горячатся,—замѣтилъ генералъ Скобелевъ,—но я узналъ о побѣдѣ по лицамъ солдатъ.

Тогда генералъ Драгоміровъ отдалъ мнѣ свое первое приказаніе.

— Вернитесь на берегъ,—обратился онъ ко мнѣ,—соберите людей, которые успѣли высадиться, и прямо ведите ко мнѣ; это будетъ нашъ первый резервъ, пока не возстановится общій порядокъ.

И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ подходили понтоны, люди небольшими кучками выскакивали на берегъ, бѣжали впередъ на выручку своимъ и, натываясь въ кустахъ и виноградникахъ на турокъ, стремительно бросались въ рукопашный бой. Бой шелъ хорошо, но разрозненно; поэтому генералъ хотѣлъ имѣть въ своемъ исключительномъ распоряженіи хотя незначительную, но нераздробленную часть, вокругъ которой могъ бы сосредоточиться общій резервъ. Во всю прыть побѣжалъ я къ берегу рѣки, гдѣ засталъ уже высадившуюся часть, около полуроты, при фельдфебелѣ, но безъ офицера. Мое приказаніе выстроиться было неохотно принято людьми, и они исполнили его довольно медленно. Но при подобной обстановкѣ каждая минута имѣла громадное значеніе. Подражая складу рѣчи начальника дивизіи, я поспѣшилъ объяснить людямъ всю великую важность полученнаго отъ него приказанія. Это подѣйствовало: фельдфебель, не дожидаясь прибытія своего офицера, скомандовалъ:

— Направо, ряды вдвой, шагомъ марш!

Полурота сдѣлала построеніе, но все-таки какъ-то недовѣрчиво. Я сталъ на правомъ флангѣ, и мы двинулись. Какъ только втя-

нулись мы въ ущелье ручья Текирь-Дере, правофланговый, шедший рядомъ со мной, былъ раненъ, и, чтобы это обстоятельство не произвело дурного впечатлѣнія на людей, я командовалъ: «бѣгомъ марш!» Но, пробѣжавъ не болѣе 20 шаговъ, я оглянулся и къ великому огорченію своему увидѣлъ, что люди продолжаютъ идти шагомъ. Отъ волненія и страшной физической усталости я готовъ былъ въ изнеможеніи повалиться на землю. Къ счастью, наткнулся я на санитаровъ, несшихъ тяжело раненаго. Они объяснили мнѣ, гдѣ находится начальникъ дивизіи; слѣдовало идти прямо по ущелью, повернуть влѣво по углубленной дорогѣ и подняться на гору. Услышавъ гдѣ находится генералъ, мои люди словно преобразились, фельдфебель сталъ подсчитывать ногу; я просто не узнавалъ людей, едва поспѣвая за ними моимъ усталымъ и непривычнымъ шагомъ. По указанію санитаровъ, я скоро отыскалъ генераловъ Драгомірова и Скобелева и всѣхъ сопровождающихъ лицъ. Генералъ приказалъ мнѣ перебраться черезъ крутой оврагъ и разсыпать цѣпь отъ края оврага до стоящаго на бугрѣ дерева. Оврагъ представлялъ изъ себя почти отвѣсные откосы. Мы спустились съ великимъ трудомъ и стали подыматься, цѣпляясь руками за корни и вѣтви кустарниковъ. Выбравшись изъ оврага, я разсыпалъ цѣпь, или, вѣрнѣе сказать, отдалъ объ этомъ приказаніе фельдфебелю, дѣло же дѣлалось само собой: люди легли и открыли огонь по туркамъ, которые находились отъ насъ въ какихъ нибудь 200 или 300 шагахъ. Я тоже легъ и затѣялъ разговоръ съ рядомъ лежащимъ унтеръ-офицеромъ. На вопросъ мой, почему люди меня неохотно слушали, когда я прибѣжалъ за ними къ берегу, онъ отвѣчалъ, что они никогда еще такой формы, какъ моя гусарская, не видали, и приняли было меня за англичанина; поэтому не хотѣли за мной слѣдовать. Вдругъ услышалъ я сигналъ, напоминающій «отступленіе»; онъ непріятно удивилъ меня, но объясненіе унтеръ-офицера меня успокоило. Оказалось, что начальникъ дивизіи заранѣе объявилъ вѣрнымъ ему частямъ, что отступленія не будетъ, и если услышатъ подобный сигналъ, то онъ будетъ поданъ или какимъ нибудь измѣнникомъ или непріателемъ, чтобы насъ сбить съ толку; но такъ какъ у насъ измѣнниковъ быть не можетъ, добавилъ мой собесѣдъ, то это, должно быть, является непріатель. Вскорѣ подошелъ ротный командиръ съ субалтернами и съ остальной частью роты. Я сдалъ ему командованіе цѣпью, и, перебравшись опять черезъ крутой оврагъ, явился къ генералу, который стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и выравнивалъ постепенно прибывавшихъ на позицію отдѣльными кучками людей, по мѣрѣ того, какъ причаливали понтоны. Сплошной линіи не было: наши мелкіе отрядцы съ переменнымъ счастіемъ дрались съ турками, и пока только, приведенная мною, полурота образовала собою центръ позиціи, которую еще до моего прибытія выбралъ капитанъ

генеральнаго штаба Мальцевъ. Генераль то и дѣло посылать насъ впередъ то остановить слишкомъ зарвавшуюся кучку людей, то двинуть впередъ почему либо отставшую. Такимъ образомъ возстановился относительный порядокъ по линіи нашего наступленія. Въ это время турки значительно усилили свою цѣпь подоспѣвшимъ резервомъ. Непріятель находился отъ насъ въ 300 шагахъ, и насъ раздѣляла только пологая балка. Тутъ генераль Скобелевъ обратился къ начальнику дивизіи съ слѣдующими словами:

— Михайль Ивановичъ, я хорошо знаю этихъ азіатовъ—лишь только начнемъ отступать, они сейчасъ вообразятъ, что насъ побѣдили, поэтому давай соберемъ сюда за кусты ближайшую часть цѣпи, а остальнымъ прикажи произвести фальшивое отступление вонъ до тѣхъ кустовъ, что въ ста шагахъ позади насъ, и, когда турки бросятся за отступающими, мы ударимъ имъ во флангъ.

Генераль Драгоміровъ согласился съ предложеніемъ генерала Скобелева и послалъ меня по цѣпи съ приказаніемъ отступать до условленнаго мѣста, а генерала Скобелева—собирать людей для засады. Между тѣмъ турки перешли въ наступленіе, и ихъ красныя фески уже показались на склонѣ балки, какъ вдругъ на лѣвомъ флангѣ грянуло «ура»,—такое «ура», по которому каждый, бывавшій въ бою, безошибочно заключить, что дѣло уже окончено въ нашу пользу. Это грозное «ура» мощно и быстро разливалось по всей цѣпи и, наконецъ, дошло до насъ, и мы вмѣсто отступления дружно и неудержимо рванулись впередъ на врага, съ такимъ же потрясающимъ всеокрушающимъ «ура». Наступавшіе было турки быстро повернули назадъ: сначала ихъ фески были намъ видны на противоположномъ склонѣ балки, но затѣмъ они быстро скрылись въ чащѣ кустарниковъ, такъ что было бесполезно преслѣдовать ихъ огнемъ. Послѣ этого генераль опять послалъ меня назадъ къ мельницѣ, чтобы останавливать тамъ людей, прибывающихъ на понтонѣхъ; въ то же время отдано было приказаніе остановить преслѣдованіе непріятеля, вернуться на старую позицію и окопаться. Мельница, къ которой я былъ посланъ, находилась на ручьѣ Текирь-Дере, недалеко отъ его впаденія въ Дунай. Здѣсь произошла одна изъ схватокъ; съ обѣихъ сторонъ были убиты, но нашихъ, какъ атакующихъ, оказалось нѣсколько больше. Когда мнѣ пришлось вновь проходить мимо мельницы, казаки предупредили меня, что оттуда стрѣляютъ. «Если стрѣляютъ, замѣтилъ я мимоходомъ казакамъ, то подожгите мельницу». И дѣйствительно оттуда въ меня стрѣляли. На обратномъ пути къ берегу я уже нашелъ всю мельницу охваченною огнемъ; въ пламени погибли засѣвшіе въ ней турки, которые стрѣляли по одиночнымъ людямъ.

Главный бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Генералы Драгоміровъ и Скобелевъ и всѣ сопровождавшія начальника дивизіи лица собрались недалеко отъ мельницы.

Тотъ самый генеральскій денщикъ, который наканунѣ переправы отказалъ намъ въ кускѣ хлѣба, появился теперь съ огромной деревянной флягой съ румынскимъ виномъ и съ вчерашними бутербродами.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ закуску и сказалъ намъ:

— Беру обратно слова, сказанныя мною вчера. Я во многомъ обязанъ вашей помощи; многое зависѣло отъ своевременной и толковой передачи приказаній; однимъ словомъ вы были моими помощниками. Такъ и доложу главнокомандующему, а теперь позвольте каждому изъ васъ обнять. Въ лицѣ васъ обнимаю и сердечно благодарю всѣхъ отсутствующихъ, прочихъ участниковъ славнаго дѣла.

Наскоро закусивъ, мы отправились на нашъ правый флангъ противъ Систова. Тутъ бой былъ непродолжителенъ, такъ какъ Систовскій турецкій отрядъ былъ на половину меньше Вардинскаго отряда, съ которымъ мы имѣли упорное дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Турки, боясь быть отрѣзанными, оставили свою Систовскую позицію, лишь только 4-я стрѣлковая бригада заняла командующія надъ деревней Царевичъ высоты. Жители встрѣчали наши войска съ неописаннымъ восторгомъ. Каждый наперерывъ старался залучить къ себѣ гостя, накормить его и уложить спать. Солдатамъ въ изобиліи давали вино, табакъ, водку. Женщины бросали подъ ноги цвѣты, цѣловали руки и стремяна всадниковъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались радостныя привѣтствія: «Добро дошелъ братушка!» Всѣ лавки въ городѣ были заперты. На болгарскихъ домахъ и лавкахъ бѣлѣли изображенные мѣломъ кресты. Турецкіе дома и лавки были разграблены. Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ наконецъ удалось разыскать квартиру начальника дивизіи, который уже успѣлъ пообѣдать и занимался дѣлами. Мнѣ отвели комнату и тоже накормили. Моя усталость была такъ велика, что я повалился на голую скамью и заснулъ мертвецки. Слишкомъ много во время дѣла пришлось ходить пѣшкомъ и пережить новыхъ сильныхъ ощущеній. На слѣдующій день начальники частей собрались къ тому мѣсту, гдѣ на берегу Дуная стояла турецкая караулка, до того разрушенная, что почти ея слѣдовъ не осталось. Вскорѣ подошла къ берегу паровая лодка, и изъ нея вышелъ, весь сіяя радостью, нашъ главнокомандующій. Его императорское высочество обнялъ и благодарилъ корпуснаго командира и начальника дивизіи и послалъ своего сына съ докладомъ къ государю. Въѣхавъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправились капитаны Ласковскій, Сухотинъ и я. Его величеству благоугодно было насъ принять и выслушать докладъ великаго князя, послѣ чего, осчастлививъ насъ милостивыми выраженіями благодарности, государь приказалъ намъ ѣхать обратно. Переправившись обратно

черезъ Дунай, я узналъ, что начальникъ дивизіи въ Систовѣ, и поѣхалъ туда же. Дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ канавами и обсаженная деревьями, шла ложбиною, среди фруктовыхъ садовъ. До Систова было около трехъ верстъ.

III.

Рано утромъ мы были разбужены страшной канонадой. Начальнику дивизіи и состоящимъ при немъ ординарцамъ подали коней, и мы поскакали на пушечные выстрѣлы, которые гремѣли въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ происходила переправа. Намъ представилась слѣдующая картина: стоявшая въ одну линію на командующей возвышенности батарея князя Мещерскаго осыпала гранатами турецкій броненосецъ и пароходъ, которые смѣло направлялись къ мѣсту нашей переправы. Гранаты падали вокругъ намѣченной цѣли, но не попадали въ нее, поэтому начальникъ дивизіи приказалъ прекратить огонь. Когда же непріятельскія суда стали подходить къ острову, намѣреваясь обогнуть его, чтобы подойти къ мѣсту переправы, до котораго оставалось не болѣе 1½ версты, изъ-за противоположной стороны острова вдругъ появились наши дежурныя миноноски. Издали онѣ казались тремя дикими утками, такъ онѣ были малы въ сравненіи съ турецкимъ броненосцемъ. Ихъ появленіе произвело неожиданный чрезвычайный эффектъ: мгновенно оба непріятельскія судна, повернувшись къ нимъ бортами, дали по залпу и стремительно стали уходить обратно внизъ по теченію, къ Руцукъ. На возвратномъ пути къ Систову я получилъ приказаніе немедленно явиться въ Зимницу къ главнокомандующему. Отдавъ лошадь казаку, я переправился на другой берегъ. У палатки главнокомандующаго полковникъ Скалонъ предупредилъ меня, что его высочество генерала Скобелева, полковника Левицкаго и меня приметъ въ 2 часа дня. Въ назначенный часъ мы явились. Великій князь, вручивъ каждому изъ насъ по конверту, приказалъ намъ немедленно отправиться въ Систово къ генералу Радецкому, гдѣ и состоятъ въ его распоряженіи.

— А ты,—обратился главнокомандующій къ М. Д. Скобелеву,—оставайся здѣсь, я тебѣ лично дамъ порученіе.

Около 6 часовъ вечера Левицкій и я были уже у генерала Радецкаго, который, прочитавъ врученные ему конверты, сказалъ, какъ бы про себя: «Какъ я пошлю, когда казаковъ у меня нѣтъ?» И, обратившись къ намъ, генералъ присовокупилъ:

— Идите домой и завтра въ 4 часа утра будьте у меня.

Мы съ Левицкимъ переночевали въ первомъ попавшемся болгарскомъ домѣ и рано утромъ явились къ генералу Радецкому, гдѣ уже застали генераловъ: Драгомірова, начальника штаба корпуса

Дмитровскаго и Скобелева. Всѣ сидѣли вокругъ стола, на которомъ лежала карта. Сначала никто нашего прихода не замѣтилъ. О чемъ именно происходило раньше совѣщаніе, — не знаю, но изъ словъ Скобелева можно было заключить, что онъ, повидимому, доказывалъ какую-то невозможность. Вошедшій казакъ доложилъ, что его высочество ѣдетъ на нашъ берегъ. Поднялась суета; о нашемъ присутствіи въ комнатѣ точно забыли; поэтому мы сѣли на коней и поѣхали къ переправѣ встрѣчать главнокомандующаго, пожелавшаго осмотрѣть позиціи. Мы выстроились противъ того мѣста, гдѣ должна была пристать лодка. Его высочеству подали коня. Увидѣвъ меня, главнокомандующій отчасти сердитымъ голосомъ спросилъ меня:

— А ты зачѣмъ здѣсь?

Я отвѣчалъ, что еще со вчерашняго дня командированъ его высочествомъ въ распоряженіе генерала Радецкаго.

— Ахъ, да!—видимо, какъ бы вспомнилъ главнокомандующій и, потребовавъ къ себѣ генерала Радецкаго, поѣхалъ съ нимъ по направлению къ Систову.

Главнокомандующій очевидно былъ чѣмъ-то недоволенъ, но о чемъ шелъ разговоръ, мы не слышали, такъ какъ свита слѣдовала въ 20 шагахъ позади; лишь замѣтно было, что Θεодоръ Θεодоровичъ находился въ нѣкоторомъ смущеніи. Его высочество, быстро обернувшись, потребовалъ къ себѣ дежурнаго ординарца, лейбъ-гвардіи уланскаго полка поручика графа Штакельберга, которому изволилъ дать слѣдующее приказаніе:

— Возьми двухъ казаковъ и поѣзжай по направленію къ Никополю до встрѣчи съ непріятелемъ и обо всемъ послѣдующемъ мнѣ доложи.

Поручикъ Штакельбергъ во время этой рекогносцировки наткнулся въ лѣсу на непріятельскій постъ; черкесы во избѣжаніе рукопашной схватки ускакали, одного изъ нихъ казакъ положилъ изъ берданки, снятое же съ него оружіе было представлено главнокомандующему. Послѣ объѣзда нѣкоторыхъ позицій мы прибыли на позицію, занятую 4-ю стрѣлковою бригадою. Увидѣвъ здѣсь генерала Скобелева, его высочество строго обратился къ нему:

— Ты зачѣмъ здѣсь?

Генераль Радецкій хотѣлъ было отвѣчать: «генераль Скобелевъ»... Но великій князь продолжалъ:

— Развѣ я тебя посылалъ къ генералу Радецкому, и развѣ я тебѣ лично не приказалъ ѣхать къ Рушукъ? Отправляйся сейчасъ въ Зимницу, отдай свою саблю полковнику Скалону и сиди въ моей палаткѣ до моего возвращенія.

Взявъ подъ козырекъ и повернувшись налѣво кругомъ, будущій герой Плевны, Ловчи и Шейнова отправился подъ арестъ. Генераль Драгомировъ началъ просить за Скобелева:

— Ваше высочество, простите его хоть ради тѣхъ заслугъ, которыя онъ оказалъ на переправѣ.

Но великій князь оставался и тогда непреклоненъ, когда генералъ Скобелевъ Старшій, отецъ Михаила Димитріевича, сталъ тоже просить:

— Ваше высочество, простите моего Мишку: онъ уже и такъ достаточно наказанъ.

— Эхъ, ты старый! — отвѣчалъ Скобелеву главнокомандующій,—своего Мишку не знаешь, а еще отецъ! Я твоего Мишку не меньше тебя люблю, но самъ посмотри, каковъ онъ: на переправу его никто не посылалъ, онъ произвольно оставилъ свой постъ и въ бой удралъ, гдѣ, повидимому, не боялся пуль, а теперь, когда я его послалъ на рекогносцировку, онъ не поѣхалъ почему-то вдругъ, видишь ли: страшно стало ѣхать безъ конвоя. А что онъ посидитъ у меня часа три или четыре въ палаткѣ—еще невелика бѣда. Зато, знаю впередъ, что если я что поручу ему, то онъ стѣну лбомъ расшибетъ, чтобы исполнить мое приказаніе. Только этого мнѣ и нужно.

Послѣ такихъ доводовъ никто уже больше не просилъ за Скобелева, а послѣдующія событія и обстоятельства доказали, какъ вѣрно и глубоко главнокомандующій понималъ нашего славнаго Скобелева, и какъ умѣлъ пользоваться его блистательными дарованіями для пользы и славы Россіи. Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что въ полученныхъ нами въ палаткѣ его высочества конвертахъ заключалось приказаніе генералу Радецкому послать на рекогносцировку полковника Николая Левицкаго на Горный Студень, а меня къ Никополю; что же касается генерала Скобелева, то онъ лично отъ главнокомадующаго получилъ приказаніе ѣхать къ Рушцуку. Но такъ какъ все это своевременно не было исполнено, то генералу Радецкому сдѣлано замѣчаніе, а Скобелева посадили подъ арестъ.

Мнѣ приказано было присоединиться къ главной квартирѣ, вскорѣ долженствовавшей переправиться черезъ Дунай, и ночевать въ деревнѣ Царевичъ въ трехъ верстахъ отъ переправы. Стоянка въ этой деревнѣ намъ памятна страшной жарой, какой еще не бывало.

Къ вечеру мы были обрадованы извѣстіемъ о новомъ успѣхѣ нашего оружія: генералъ Гурко занялъ съ бою г. Тырново, древнюю столицу Болгарскаго царства. Переночевавъ въ Царевичѣ, главная квартира двинулась къ Тырнову. Дорога пролегла по обширной волнообразной мѣстности, усыпанной курганами; кое-гдѣ издали бѣлѣли деревушки, которыя еще болѣе дѣлали похожей эту мѣстность на наши южныя губерніи—Полтавскую или Херсонскую. Только на третій день мы добрались до Тырнова, въ семи верстахъ отъ котораго дорога втягивается въ огромное ущелье, покрытое садами и виноградниками. На половинѣ пути по ущелью, по обѣимъ сторонамъ дороги, подъ отвѣсными скалами пріютились старинные

монастыри, точно ласточкины гнѣзда, прилѣпившіяся къ стѣнамъ дикаго, обнаженнаго утеса. Туда подъ древніе своды православныхъ храмовъ и въ тихія, убогія келіи уходили отъ бурь земныхъ и житейской невзгоды смиренные подвижники истой вѣры Христо-вой. И вотъ теперь среди этихъ мирныхъ убѣжищъ молитвы и труда пронесся раскатистый гулъ отъ пушечнаго грома, возвѣстившаго о концѣ пятивѣковаго рабства единовѣрной и единокровной Болгаріи. Въѣздъ его императорскаго высочества въ Тырново былъ настоящимъ всенароднымъ великимъ торжествомъ. Восторгъ и ликовація жителей были безпредѣльны. Всѣ спѣшили въ праздничныхъ одеждахъ, шумными толпами, на встрѣчу августѣйшему главнокомандующему; всѣ спѣшили посмотрѣть хоть издали и благословить того, кому ввѣрены были доблестныя войска великаго царя освободителя. Пройдя городъ, главная квартира остановилась на крутой возвышенности среди садовъ и виноградниковъ. Отсюда открывался великолѣпный видъ на весь городъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи сжатъ отвѣсными скалами, какъ будто сторонился своими маленькими, на подобіе птичьихъ гнѣздъ, домиками отъ угрожающихъ глубокихъ обрывовъ и, прижимаясь тѣснѣе къ этимъ громаднымъ скаламъ, всползалъ все выше и выше на ихъ утесистыя кручи. Противъ насъ возвышалась гора; огибая подошву этой горы, къ югу шла дорога на Дреново, Габрово и Шипку.

Между тѣмъ отрядъ генерала Гурко продолжалъ двигаться впередъ черезъ Хаинкійскій перевалъ, преодолевая трудныя естественныя препятствія съ помощію конноопіонеровъ, набранныхъ и сформированныхъ изъ чиновъ передового отряда. Цѣль движенія генерала Гурко заключалась въ томъ, чтобы, пройдя долиной Тунджи или Розъ на Казанлыкъ и д. Шипку, съ юга атаковать Шипкинскій перевалъ, занятый семитысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Атака назначена была на 5-е іюля, и въ помощь передовому отряду, для одновременной атаки Шипкинского перевала съ сѣверной стороны, были посланы семь ротъ Орловскаго полка, подъ командой генерала Дерожинскаго, который, кромѣ того, долженъ былъ присоединить къ своей колоннѣ 30-й Донской казачій полкъ, расположенный въ Габровѣ и наблюдающій оттуда за балканскими проходами. Его императорскому высочеству благоугодно было осчастливить меня новой командировкой: съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ я былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Дерожинскаго. Послѣ недолгихъ сборовъ, великій князь, адъютантъ великаго князя главнокомандующаго капитанъ Ласковскій, ординарецъ корнетъ Яновъ и я отправились въ Габрово. Этотъ городъ находится въ 50-ти верстахъ отъ Тырнова. На половинѣ пути, въ маленькомъ городкѣ Дреново, мы сдѣлали большой привалъ, кормили коней и къ вечеру прибыли въ Габрово, гдѣ

остановились на обширной полянѣ, не доѣзжая до города, рядомъ съ бивакомъ 30 Донского казачьяго полка. Сюда же подходили роты Орловскаго полка. Помѣстились мы въ палаткахъ. Здѣсь я считаю долгомъ вспомнить о превосходной рекогносцировкѣ, произведенной развѣздами вышеупомянутаго казачьяго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Орловъ. Молодцы донцы такъ лихо произвели свою развѣдку и такъ образно и толково сообщили начальству добытыя ими свѣдѣнія, что шипкинскія турецкія позиціи во всѣхъ ихъ характерныхъ топографическихъ подробностяхъ представились отчетливо, какъ на ладони. Таковы природныя неоцѣненные достоинства нашихъ казаковъ. Послѣ филиппопольскаго пораженія арміи Сулеймана-паши, этотъ полкъ подъ командою полковника Грекова захватилъ 40 непріятельскихъ орудій. Утромъ слѣдующаго дня къ генералу Дерожинскому болгары привели нѣсколькихъ турокъ, которые были пойманы и уличены въ совершеніи разныхъ варварскихъ, звѣрскихъ преступленій. Ихъ разстрѣляли. Я не былъ при исполненіи смертной казни, но мнѣ рассказывали очевидцы, что эти изуверы такъ спокойно и просто подходили къ роковому столбу у вырытой могилы, какъ будто бы дѣлали самое обыкновенное дѣло. Черезъ день пріѣхалъ начальникъ дивизіи, князь Святополкъ-Мирскій, и принялъ общее начальство, послѣ донесенія генерала Дерожинскаго о томъ, что онъ считаетъ недостаточными силы, находившіяся въ его распоряженіи, для поставленной ему цѣли.

5-го іюля, въ день, назначенный для атаки шипкинскаго перевала, нашъ отрядъ раннимъ утромъ прошелъ черезъ Габрово и втянулся въ ущелье, пройдя которымъ около 4-хъ верстъ, круто повернулъ влѣво и сталъ подыматься въ гору. Дорога, по которой онъ слѣдовалъ, только по названію считалась дорогой, до такой степени пересѣкали ее вдоль и поперекъ рывтины и уступы отъ одного до двухъ аршинъ глубины и вышины. Двигаться по ней какому бы то ни было обозу было немыслимо, и когда впослѣдствіи потребовалось препроводить орудія, то ихъ перетаскивали на рукахъ. Во время подъема, къ вершинѣ перевала отъ страшной жары было много случаевъ солнечнаго удара. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій голова колонны и начальство взобрались на верхнюю площадку, гдѣ и остановились, чтобы дать время подтянуться отставшимъ. Это мѣсто уже находилось въ виду турецкаго редута, который предполагалось атаковать; поэтому одна рота разсыпалась по гребню занятой нами площадки. Мы начали въ бинокли разсматривать непріятельское укрѣпленіе, къ которому, должно быть, по тревогѣ сбѣгались его защитники для встрѣчи столь неожиданно появившихся гостей. Часть турецкаго отряда уже двигалась по направленію къ занятой нами высотѣ, противъ которой по другую сторону глубокаго ущелья подымалась возвышенность со скло-

нами, поросшими молодымъ дубнякомъ. И вдругъ съ этой возвышенности грянулъ по нашей колоннѣ залпъ, который тѣмъ болѣе былъ неожиданнымъ, что до того мгновенія на ней ничего не было замѣтно, и только впослѣдствіи мы убѣдились, что она была укрѣплена двумя ярусами прекрасно замаскированныхъ стрѣлковыхъ окоповъ. Дорога вдоль гребня занятой нами позиціи поворачивала вправо и, огибая по спуску высоту, шла прямо къ редуту. Залегшая рота открыла огонь. Около 4-хъ часовъ дня наша правая обходная колонна взшла на сосѣднюю командуемую возвышенность, подъ названіемъ «Зеленое древо», и открыла огонь изъ орудій; но снаряды не долетали по назначенію, и такимъ образомъ она не могла принести ожидаемой пользы.

О нашей лѣвой колоннѣ, которая, какъ и правая, тоже состояла изъ двухъ ротъ, пока еще ничего не было извѣстно. Перестрѣлка все продолжалась; но такъ какъ выяснилось, что турки оказались гораздо сильнѣе нашего отряда, то и рѣшено было, по инициативѣ и подъ руководствомъ адъютанта его высочества лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона капитана Ласковскаго, построить батарею и окопы для пѣхоты, а ночью занять ихъ. Немедленно приступили къ работѣ, и къ закату солнца отрядъ, занимавшій позицію, стоялъ уже въ окопахъ. Вечеромъ получено было извѣстіе изъ лѣвой колонны, что она по винъ проводника болгарина—умышленной или нечаянной, вышла лѣсомъ прямо въ средину турецкаго лагеря и выуждена была отступить съ громаднымъ урономъ. Эта чувствительная потеря совершенно измѣнила предположенный планъ дѣйствій: начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе оставить занятую позицію и спуститься съ горъ къ подошвѣ на габровскую дорогу. Послѣ вторично полученнаго приказанія колонна отступила обратно, къ подошвѣ сѣвернаго склона занятой нами возвышенности. 6-го іюля собирались люди потерпѣвшей лѣвой колонны.

Въ вечернихъ сумеркахъ я и Ласковскій замѣтили орудійный огонь на горѣ Святого Николая, о чемъ немедленно и донесли князю Святополкъ-Мирскому; гула выстрѣловъ не было слышно, и мы только видѣли, какъ безпрестанно вырывались изъ жерла пушекъ вспыхивавшіе краснымъ пламенемъ и мгновенно потухавшіе столбы огненного дыма. Очевидно, производилась атака отрядомъ генерала Гурко, и, вѣроятно, дѣло уже подходило къ концу. Объ оказаніи поддержки нечего было и думать, помимо темной ночи и разстояніе до шипкинскихъ турецкихъ позицій было слишкомъ велико, чтобы поспѣть во время. Отъ Габрова до мѣста расположенія нашего центрального отряда, оставшагося послѣ неудачнаго наступленія 5 іюля, у перевала, было около 8 верстъ; по своей же собственной инициативѣ эти двѣ роты двинуться на турокъ не могли, такъ какъ, вслѣдствіе топографическихъ особенностей мѣстности, онѣ не могли замѣтить тѣ огни пушечныхъ выстрѣловъ, которые

намъ были такъ хорошо видны изъ Габрова. Когда окончательно выяснилось, что нашъ отрядъ не можетъ поспѣть на помощь отряду генерала Гурко, великому князю, Ласковскому, Янову и мнѣ подали коней, и мы поскакали къ Шипкѣ, питая обманчивую надежду хотя самимъ лично принять участіе въ дѣлѣ. Но совершенная темнота и уже болѣе не вспыхивавшіе огни выстрѣловъ, что было несомнѣннымъ доказательствомъ прекращенія боя, понемногу заставили насъ образумиться, и мы повернули коней обратно къ Габрову. Вышло, что начальникъ дивизіи былъ опытный насъ, и не хотѣлъ напрасно тревожить людей; мы же, зарвавшись далѣе, легко могли бы сдѣлаться безцѣльной жертвой нашего юношески пылкаго воинственнаго задора. Поздно вечеромъ прибылъ въ Габрово генераль Скобелевъ 2-й вмѣстѣ съ Минскимъ полкомъ 14-й дивизіи и принялъ начальствованіе надъ нашимъ отрядомъ, и мы такимъ образомъ оказались въ его распоряженіи.

IV.

На слѣдующій день вновь назначалась атака Шипки съ сѣверной стороны; но на этотъ разъ Михаилъ Дмитріевичъ рѣшилъ атаковать турокъ прямо въ лобъ всѣми силами.

7-го іюля, на разсвѣтѣ, мы тронулись съ габровскаго бивака къ перевалу, гдѣ у самого подъема къ остававшимся въ этомъ пунктѣ двумъ ротамъ присоединились остатки лѣвой и вся правая колонна. Генераль Скобелевъ вызвалъ изъ фронта всѣхъ офицеровъ, познакомился съ ними и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью.

«Его императорскому высочеству главнокомандующему угодно было въ первый разъ сдѣлать мнѣ честь, довѣривъ командованіе отдѣльною частью, для совершенія столь серьезнаго дѣла, какъ взятіе съ боя перевала. А потому вы можете себя представить, какъ я полѣзу на эту Шипку! Я буду ее атаковать до послѣдняго человѣка, и даю вамъ честное слово, если я случайно только одинъ останусь живъ, то все-таки буду атаковать ее».

Послѣ этой краткой, но внушительной рѣчи Михаилъ Дмитріевичъ, обратившись къ намъ лично, сказалъ: «относительно васъ я не получилъ никакого приказанія отъ главнокомандующаго, а потому дѣлайте, какъ хотите». Мы, конечно, съ живѣйшей радостью рѣшили участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Сѣвъ на коня, Скобелевъ сталъ пропускать мимо себя роты; мы же, хорошо зная дорогу, поѣхали впередъ, весело разговаривая объ испытанныхъ тревогахъ 5-го іюля и о предстоящей атакѣ Шипки отрядами генераловъ Гурко и Скобелева.

Путь къ перевалу былъ ужъ нѣсколько разработанъ, погода стояла сѣренькая, не жаркая, поэтому мы скоро добрались до мѣ-

ста, гдѣ 5-го іюля происходило дѣло. Мы слѣзли съ коней и, поджидая пѣхоту, стали опять разсматривать въ бинокли непріятельскія позиціи. Каждую минуту мы ожидали залповъ съ противоположной высоты, которыми насъ столь неожиданно привѣтствовали во время перваго дѣла; но залповъ не послѣдовало, даже когда роты уже взобрались на верхнюю площадку перевала. Мы двинулись дальше, рассчитывая, что, вѣроятно, турки окажутъ намъ первое сопротивление изъ редута; за нами двинулись роты. Съ генераломъ Скобелевымъ пріѣхалъ въ роли корреспондента доброволецъ С. В. Верецагинъ, братъ знаменитаго художника-баталиста. Онъ тотчасъ же съ перевала отправился пѣшкомъ съ солдатикомъ Орловскаго полка къ турецкому редуту и опередилъ насъ и всю колонну шаговъ на восемьсотъ. Мы, конечно, обратили на это вниманіе; а Скобелевъ замѣтилъ: «посмотрите, господа, Верецагинъ съ своимъ портфелемъ и однимъ орловцемъ хочетъ взять редутъ!». Когда мы, подвигаясь впередъ, казалось, вошли уже въ сферу ружейнаго огня, Верецагинъ уже подходилъ къ редуту; но выстрѣловъ все-таки не послѣдовало. Каково же было наше удивленіе, когда Верецагинъ, поравнявшись съ редутомъ, вошелъ въ него, снялъ шапку и закричалъ «ура!». Оказалось, что турки ушли изъ редута, бросивъ въ немъ два орудія. Мы опять остановились, чтобы дать время подоспѣть отставшимъ. Рѣшено было, что турки, ослабленные боемъ, вѣроятно, сосредоточились на горѣ Святого Николая, чтобы упорно защищать ее, какъ ключъ всей шипкинской позиціи. Роты подтянулись, мы пошли дальше. На пути предстояло занять еще редутъ, круглую батарею и расположенный за нею лагерь. Подходя къ редуту, мы замѣчали среди бѣлѣвшихъ палатокъ лагеря движеніе одиночныхъ людей. На этотъ разъ Верецагинъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нами верхомъ. Мы все ожидали залповъ изъ редута и батареи; но и изъ этихъ укрѣпленій турки тоже бѣжали, оставивъ на мѣстѣ всѣ орудія; кромѣ того, подъ круглой батареей мы нашли пороховой погребъ съ боевыми патронами и запасомъ пороха. Оставалось занять еще лагерь и казарменную постройку. И тотъ и другая не были укрѣплены съ сѣверной стороны, но съ южной—ихъ защищала батарея. Изъ лагеря вышли къ намъ навстрѣчу нѣсколько турокъ. Они были безъ оружія и знаками стали намъ объяснять, что турки бѣжали. Понятно, до какой степени мы обрадовались столь неожиданному и легкому успѣху, и дружное «ура!» всего отряда пронеслось по занятымъ безъ боя позиціямъ и огласило шипкинскія высоты. Турки бросили укрѣпленія и лагерь незадолго до нашего прихода. О поспѣшности ихъ отступленія, или, вѣрнѣе сказать, безпорядочнаго бѣгства свидѣтельствовали неприбранные офицерскія кровати, и брошенные на произволъ судьбы вся артиллерія и раненные. Раненыхъ сейчасъ же помѣстили въ казармѣ, и доктора начали свою

работу. Въ лагерѣ нижніе чины нашли много турецкихъ ассигнацій, называемыхъ кайме, они рвали ихъ и пускали по вѣтру. Отыскали десятка два яицъ. Эта находка въ данную минуту была драгоцѣннѣе всякихъ турецкихъ кредитныхъ билетовъ. Найденныя яйца тотчасъ же сварилъ Верещагинъ и подѣлился съ нами этимъ изысканнымъ лакомствомъ.

Съ вершины горы Святого Николая мы любовались чудеснымъ видомъ на Долину Розъ, всю усыпанную плантаціями этихъ прекрасныхъ благоуханныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ жители долины добывали драгоцѣнное розовое масло. Вдали виденъ былъ Казанлыкъ, а прямо внизу, у подошвы горы, приютилась деревня Шипка, близъ которой расположился бивакомъ отрядъ генерала Гурко. Величавая красота природы вполне согласовалась съ нашимъ радостнымъ истинно праздничнымъ настроеніемъ, но оно вскорѣ было нарушено картиной неслыханнаго звѣрства. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ атаквали стрѣлки отряда г. Гурко, и гдѣ наша лѣвая колонна, наткнувшись 5 іюля на превосходныя силы противника, должна была отступить послѣ кровопролитнаго боя, мы нашли обезображенные трупы нашихъ злополучныхъ боевыхъ товарищей. Почти у всѣхъ турки обрубили руки или пальцы; на груди и животѣ многихъ живьемъ замученныхъ страдальцевъ турецкіе изуверы вырѣзывали подобіе креста и сдирали кожу. Отрѣзанныя головы пріавшихъ мученическую смерть за великое дѣло освобожденія были въ сторонѣ сложены въ потрясающую душу пирамиду. Среди этой разлагающейся массы кошунственно брошенныхъ останковъ я узналъ голову командира пластуновъ капитана Баштаннаго, съ которымъ я былъ въ бою 15 іюня, при занятіи Систовскихъ высотъ, во время переправы. Невыносимо тяжело и грустно было смотрѣть на подобныя злодѣянія варварства и мусульманскаго фанатизма, рядомъ съ которыми еще возвышеннѣе и прекраснѣе казались исполненные глубоко человѣческаго чувства и христіанскаго смиренія поступки нашего чудо-богатыря солдата по отношенію къ своему побѣжденному врагу. Нѣкоторое время спустя послѣ занятія нашимъ отрядомъ горы Святого Николая, мы замѣтили нѣсколько человѣкъ, пробиравшихся по тропинкѣ съ южной стороны горы. Они шли медленно, крадучись, часто останавливаясь и подозрительно разглядывая. Это были наши изъ отряда генерала Гурко. Мы имъ стали подавать голосъ и махали платками, но они продолжали соблюдать прежнюю осторожность. Зато нужно было посмотреть, какова была ихъ безпредѣльная радость, когда мы послали къ нимъ навстрѣчу одного изъ своихъ солдатиковъ. И было чему обрадоваться: эти герои, ничего не зная о прибытіи нашего отряда и слѣдовательно ежеминутно рискуя попасть въ руки турокъ, шли подбирать своихъ раненыхъ товарищей изъ стрѣлковъ отряда генерала Гурко, которые на самомъ дѣлѣ также точно уже были звѣрски замучены и обезображены, какъ и ране-

ные нашей лѣвой колонны. Натѣлись эти великодушные храбрецы на турокъ, ихъ навѣрное постигла бы та же страшная участь, и на верхушкѣ сложенной руками изверговъ пирамиды появилось бы нѣсколько новыхъ отрѣзанныхъ головъ.

Подъ руководствомъ адъютанта великаго князя капитана Ласковского, я и одинъ офицеръ Орловскаго полка, фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню (это былъ очень дѣльный и полезный офицеръ въ нашемъ отрядѣ), отправились осматривать мѣстность съ той цѣлью, чтобы, на случай внезапнаго наступленія турокъ, приспособить занятія нами укрѣпленія для нашей обороны, возвести, буде понадобится, новыя прикрытія, сдѣлать засѣки и волчьи ямы, однимъ словомъ увеличить средства защиты перевала. Я ночевалъ въ турецкой казарменной постройкѣ. На Шипкинскихъ высотахъ стояла такая холодная ночь, что я, будучи совершенно налегкѣ, въ одной только венгеркѣ безъ плаща, до того продрогъ, что даже покрылся вытащенной изъ какого-то хлама грязной рогожей, и былъ наказанъ за это. Ночью на меня во множествѣ напали извѣстнаго рода военно-походныя насѣкомыя; но зато мнѣ было теплѣе, и я заснулъ, какъ убитый.

8-го іюля, генералы Гурко и Святополкъ-Мирскій вмѣстѣ обѣзжали позиціи, при чемъ первый обратилъ вниманіе англійскаго корреспондента на обезображенные трупы нашихъ убитыхъ и раненыхъ. Корреспондентъ общалъ о совершенныхъ звѣрствахъ сообщить черезъ свою газету Англіи, этой высоко-культурной союзницѣ Турціи. Когда все понемногу успокоилось послѣ боевыхъ тревогъ предшествующихъ дней, и Орловскія роты дружно принялись укрѣплять гору Святого Николая и прочіе важнѣйшіе пункты занятыхъ позицій, вдругъ распространился слухъ, что непріятель изъ Карлова и Калофера собирается атаковать Шипку. Генералъ Скобелевъ поспѣшилъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія о занятіи траншей. Въ случаѣ слишкомъ значительнаго перевѣса турецкихъ силъ, рѣшено было съ непрерывнымъ боемъ отступать отъ одного укрѣпленія къ другому, окончательно сосредоточиться у круглой батареи съ пороховымъ погребомъ, и на этой позиціи защищаться до послѣдняго солдата. «Если же и тутъ послѣдуетъ неудача,—сказалъ Скобелевъ,—я самъ лично взорву пороховой погребъ». Но слухи не оправдались, турки не наступали; по крайней мѣрѣ, насъ никто не беспокоилъ, хотя болгары продолжали положительно утверждать, что непріятель былъ гдѣ-то довольно близко, но не посмѣлъ насъ атаковать и ушелъ обратно въ Калоферъ и Карлово. Вскорѣ мнѣ пришлось разстаться съ Шипкой, и, признаюсь, это было бы для меня далеко налегкимъ дѣломъ, если бы я не имѣлъ счастья состоять ординарцемъ августѣйшаго главнокомандующаго. Получивъ конвертъ отъ князя Святополкъ-Мирскаго, я отправился въ главную квартиру, въ Тыр-

ново. Черезъ нѣсколько дней стали приводить въ Тырново плѣнныхъ, взятыхъ на Шипкѣ. Оказалось, что турецкія войска, выдержавъ двѣ атаки нашихъ отрядовъ, не рѣшились далѣе вести бой на двухъ фронтахъ. Турки для выигрыша времени послали къ генералу Гурко предложеніе о сдачѣ; сами же, бросивъ свою артиллерию, въ разбродъ, небольшими партіями ушли въ горы. Изъ нихъ многіе, мучимые голодомъ, добровольно приходили къ нашимъ и просились въ плѣнъ; другихъ приводили болгары и даже болгарки, которыя такимъ образомъ, отправляясь въ лѣсъ за грибами, находили вмѣсто грибовъ бывшихъ защитниковъ Шипки. Одинъ изъ добровольно явившихся турокъ былъ добрый семидесятилѣтній старикъ. На вопросъ его высочества главнокомандующаго, зачѣмъ онъ предпочелъ очутиться въ плѣну, старикъ отвѣчалъ, что еще въ 1828 году онъ былъ у насъ въ плѣну. Тогда его послали въ Харьковъ, гдѣ ему жилось отлично. Во время крымской кампаніи онъ опять попался въ плѣнъ, и его отправили въ Кіевъ, гдѣ ему жилось еще лучше; поэтому теперь онъ почелъ нужнымъ добровольно явиться и просить, чтобы его опять отправили въ Кіевъ, который ему очень понравился. На слѣдующій день, въ послѣобѣденное время, опять привели партію плѣнныхъ; изъ нихъ больше всего обратили на себя вниманіе молодой красавецъ поручикъ, мулла и старикъ майоръ, тоже лѣтъ около семидесяти, если не больше. Послѣ опроса красавецъ поручикъ заявилъ, что онъ знаетъ главнокомандующаго.

— Почему ты меня знаешь?—спросилъ поручика его высочество.

— Когда ваше высочество во время путешествія своего на востокъ были въ гостяхъ у нашего султана,—отвѣчалъ поручикъ:—я былъ во дворцѣ въ почетномъ караулѣ; но тогда я вашего лица не видѣлъ, такъ какъ намъ запрещено смотрѣть на такихъ высокихъ особъ.

Старичекъ майоръ отъ усталости едва держался на ногахъ и попросилъ позволенія сѣсть. Его высочество милости о дозволилъ и спросилъ, не желаетъ ли онъ поѣсть. Получивъ утвердительный отвѣтъ, его высочество поручилъ генералу Галлу сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы накормить плѣнныхъ. Генералъ Галлъ повелъ ихъ въ столовую палатку, гдѣ имъ подали разныхъ закусокъ и вина. Мулла и поручикъ съ жадностью принялись за ѣду, а старичекъ майоръ, схвативъ бутылку краснаго вина, сталъ усердно потягивать прямо изъ горлышка и, разумѣется, скоро охмелѣлъ. Поставивъ бутылку у своихъ ногъ, онъ увлекся разсказами про войну. Одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Дерфельденъ (Христофоръ), незамѣтно убралъ бутылку. И велико же было горе старичка майора, когда онъ замѣтилъ похищеніе своей драгоценности. Онъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и прямо указалъ на Дерфельдена. Старичекъ становился все забавнѣе.

— Ты—воръ!—обратился онъ къ похитителю:—ты укралъ у меня бутылку, которую мнѣ пожаловалъ мой теперешній властелинъ. Нехорошо! Если хочешь выпить, пойди къ нему и попроси: онъ добръ и прикажетъ дать тебѣ вина.

Но хмель бралъ свое, и старикъ опять увлекся своими разсказами, пока не увидалъ своей бутылки на прежнемъ мѣстѣ. Тутъ онъ внѣ себя отъ большой радости схватилъ ее обѣими руками и тянулъ изъ нея до самаго доннышка. Потомъ, отыскавъ совершенно помутившимися глазами Дерфельдена, онъ передалъ ему бутылку и назидательно сказалъ: «вотъ тебѣ въ благодарность за то, что ты послушался своей совѣсти и отдалъ мнѣ мою бутылку». Дерфельденъ насилу отдѣлался отъ пьянаго старичка и его бутылки. Въ моей памяти хорошо сохранились эти подробности забавныхъ приключеній съ тырновскими плѣнными, и я не безъ умысла теперь вспомнилъ о нихъ. Онѣ убѣдительно свидѣтельствуютъ, насколько добросердеченъ русскій человѣкъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ. Въ этомъ случаѣ, какъ всегда во множествѣ другихъ, его высочество вмѣщалъ въ своей высокой и свѣтлой душѣ лучшія коренныя наклонности и побужденія русскаго народа и нашего православнаго доблестнаго воинства.

На позиціяхъ ли или въ главной квартирѣ къ плѣннымъ туркамъ относились съ одинаковымъ великодушіемъ; и даже возмутительнѣйшія звѣрства, совершенныя турками на Шипкѣ и подъ Телишемъ, не въ состояніи были заставить нашего воина позабыть русскую пословицу, что «лежачаго не бьютъ». Глубокій смыслъ этой пословицы помогаетъ намъ послѣ кровопролитныхъ битвъ продолжать дѣло мирнаго нравственнаго завоеванія. Но возвратимся къ нашимъ воспоминаніямъ.

V.

Въ главную квартиру пріѣхалъ ординарецъ съ извѣстіемъ о нашей второй неудачной попыткѣ взять Плевну. Наши потери произвели на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, но никто этому печальному событію тогда не придавалъ того значенія, какое оно имѣло въ дѣйствительности, какъ оказалось впослѣдствіи. Главнокомандующій потребовалъ меня къ себѣ и, ввѣривъ мнѣ пакетъ, объяснилъ слѣдующее: «поѣзжай съ этимъ письменнымъ приказомъ къ генералу Гурко, а на словахъ передай, что если будетъ возможно, то пусть наводитъ страхъ по ту сторону Балканъ; если нѣтъ, то пусть перейдетъ на сѣверную сторону, и, удерживая проходы между Хаинкіємъ и Шипкою, поступитъ подъ начальство генерала Радецкаго. У насъ новая неудача подъ Плевной. Довѣряемый тебѣ конвертъ весьма важенъ, и никакимъ образомъ не долженъ попасть въ руки непріятеля. Трудно сказать, гдѣ именно

теперь находится генераль Гурко: за Малыми Балканами или не доходя до нихъ. Командировка очень важная и опасная. Я пошлю еще съ дубликатомъ Чайковского (состоявшаго при начальникѣ штаба офицера Ямбургскаго уланскаго полка) черезъ Хаинкию, а ты поѣзжай черезъ Шипку». Вслѣдствіе этого приказанія я немедленно выѣхалъ изъ Тырнова. Мнѣ сопутствовали далеко нерадостныя думы. Вторая неудача подъ Плевной была горестнымъ, но убѣдительнымъ доказательствомъ нашей первоначальной основной ошибки: мы перешли Дунай съ слишкомъ малыми силами. Еще въ началѣ апрѣля, въ первые дни моего пріѣзда въ Кишиневъ, я неоднократно слышалъ въ главной квартирѣ, что главнокомандующій находилъ численность нашихъ силъ, съ которыми была начата война, недостаточной и, какъ говорятъ, просилъ государя о немедленной присылкѣ необходимыхъ резервовъ. Въ виду этого государемъ императоромъ обѣщано было прибытіе гвардіи съ тѣмъ, что государь самъ лично поздравитъ гвардію съ походомъ. Между тѣмъ послѣ отъѣзда государя изъ Кишинева, главнокомандующимъ была получена отъ наслѣдника цесаревича изъ Курска телеграмма, что вслѣдствіе доводовъ военнаго министра предполагаемое скорое выступленіе гвардіи на театръ войны пока пріостановлено. Таковы были слухи. Мнѣніе его высочества, къ несчастію, вскорѣ начало подтверждаться на дѣлѣ: тотчасъ же послѣ переправы мы вынуждены были раздробить наши силы для занятія несоотвѣтственно обширнаго театра военныхъ дѣйствій; нашъ правый флангъ оказался недостаточно обезпеченнымъ, выросла Плевна, и отрядъ генерала Гурко долженъ былъ отступать передъ арміей Сулеймана-паши. Такимъ образомъ военныя дѣйствія затянулись не въ нашу пользу, и все-таки въ результатѣ пришлось двинуть изъ Россіи значительные резервы, которые своимъ присутствіемъ въ началѣ дали бы возможность однимъ дружнымъ ударомъ раздавить врага и быстрымъ окончаніемъ войны сохранить не одну сотню милліоновъ рублей. Переночевавъ въ Габровѣ, я на разсвѣтѣ поѣхалъ дальше къ Шипкинскому перевалу. Уже на спускѣ я сталъ встрѣчать объятыхъ ужасомъ бѣглецовъ, жителей долины Тунджи. Все бѣжало въ страшномъ безпорядкѣ, послѣ рѣзни, произведенной изувѣрами Сулеймана-паши: женщины, дѣти, люди болгарскаго ополченія, лошади, навьюченные ослы. Нижніе чины несли на рукахъ дѣтей. Въ этихъ пестрыхъ толпахъ, спѣшившихъ къ перевалу людей, попадалось немало раненыхъ; между прочимъ я видѣлъ болгарскую дѣвушку лѣтъ 16-ти съ обрѣзанными грудями и десятилѣтняго мальчика, у котораго были отрублены руки.

Таковы были для христіанскаго населенія послѣдствія нашей неудачи подъ Ески-Загрой. Въ Казанлыкѣ я увидѣлъ ту же картину. Въ женскомъ монастырѣ устроили временный госпиталь, который весь былъ переполненъ ранеными. Этихъ не-

счастливых помѣщали, гдѣ лишь только было возможно: и въ кельяхъ и на монастырскомъ дворѣ. Церковь служила для турокъ амбаромъ, въ ней находились галеты, рисъ и коровье масло, а иконы во многихъ мѣстахъ были прострѣлены. Я разыскалъ генерала Рауха, котораго просилъ указать мнѣ, гдѣ находится генераль Гурко. Но при подобныхъ обстоятельствахъ нельзя было получить точныхъ свѣдѣній. Извѣстно было лишь то, что на ночь назначено отступленіе къ Шипкѣ, что Малые Балканы уже заняты турками, равно какъ, по всей вѣроятности, и долина, и что генераль Гурко, вѣроятно, находился въ Малыхъ Балканахъ по дорогѣ на Хайнкюй. Поэтому мнѣ совѣтовали ночевать въ Казанлыкѣ, тѣмъ болѣе, что, не зная дороги, легко было ночью сбиться съ пути. Какъ я ни досадовалъ на невольную потерю времени; но все-таки пришлось подчиниться необходимости ночевать при отрядѣ генерала Рауха, который отошелъ къ Шипкѣ. Ночь прошла спокойно, непріятель не потревожилъ. Утромъ слѣдующаго дня отрядъ сталъ подыматься на гору; я же вдоль главнаго Балканскаго хребта отправился къ Хайнкюю. Со мной ѣхалъ адъютантъ начальника болгарской дружины генерала Столѣтова, поручикъ Лукашевъ, и, кромѣ двухъ казаковъ и денщика, моими спутниками были еще два офицера и шесть казаковъ Уральскаго полка, которые должны были проѣхать со мной одну треть дороги и затѣмъ свернуть въ районъ, уже занятый турецкими войсками, къ Малымъ Балканамъ, чтобы отыскать тѣло своего ташкентскаго товарища Калитина, командира одной изъ болгарскихъ дружинъ. Дорогой казачьи офицеры мнѣ рассказывали, что наканунѣ Калитинъ былъ тяжело раненъ. Во время отступленія его несли на рукахъ; но ему было такъ трудно, что онъ просилъ положить его въ глухомъ ущельѣ, на берегу ручья, несмотря на близость наступающихъ турокъ, которые могли его замучить. Впослѣдствіи я узналъ, что вѣрные товарищи нашли его на прежнемъ мѣстѣ; турки не набрали на умиравшаго Калитина, и онъ, по крайней мѣрѣ, отдалъ Богу душу безъ страшныхъ истязаній. Его тѣло привезено было къ своимъ и предано землѣ похристіански, съ подобающей воинской почестью. Еще мнѣ рассказывали, что Калитинъ потому велѣлъ оставить себя въ ущельѣ, чтобы неспіе его болгарскіе дружинники могли и во время отступленія драться съ насѣдавшими на нихъ турками. Честь и слава такому витязю и такимъ вѣрнымъ казакамъ товарищамъ, которые добровольно, подвергая свою жизнь опасности, смѣло пробрались черезъ непріятельскія позиціи, чтобы совершить тихій, но тѣмъ не менѣе великій подвигъ челоуѣколюбія и товарищескаго долга.

Близъ Маглиша у того мѣста, гдѣ уральцы должны были свернуть къ югу, къ Малымъ Балканамъ, мы сдѣлали въ роуцѣ небольшой привалъ, затѣмъ простились и разѣхались: они — направо,

а я и Лукашевъ—прямо, въ восточномъ направленіи, долиной Тунджи къ Хаинкію.

До самаго Хаинкія нашъ путь лежалъ у подножія южнаго склона Большихъ Балканъ. Долина Тунджи, или Розъ, представляетъ изъ себя ровную, какъ столъ, плоскость, кое-гдѣ орошаемую быстрыми ручьями и покрытую небольшими фруктовыми садами. Съ юга она ограничена пологими склонами Малыхъ Балканъ, а съ сѣверной стороны упирается въ почти отвѣсныя во многихъ мѣстахъ кручи южнаго склона Балканскаго хребта, такъ что на всемъ 45-ти-верстномъ пространствѣ отъ Шипки до Хаинкія находится только одинъ перевалъ, весь же южный склонъ громоздится исполинскими стѣнами, врядъ ли доступными даже дикимъ козамъ. Такой характеръ мѣстности былъ крайне опасенъ для моего движенія чуть ли не въ виду непріятеля, тѣмъ болѣе, что долина Тунджи по мѣрѣ приближенія къ Хаинкію суживается отъ 5 до 3 верстъ въ поперечникѣ, и не только одиночныхъ всадниковъ, но даже пѣшихъ людей подъ Малыми Балканами отлично было видно и невооруженнымъ глазомъ. Маломальски значительный турецкій разъѣздъ легко могъ прижать меня къ отвѣснымъ кручамъ южнаго склона и уничтожить, такъ какъ я могъ уйти въ горы только черезъ единственный перевалъ, до котораго еще надо было добраться. И вотъ впервые я началъ безпокойно сознать всю опасность моего положенія. Я боялся за участь вѣреннаго мнѣ конверта, за успѣхъ возложеннаго на меня главнокомандующимъ столь важнаго порученія, которое, благодаря извѣстной обстановкѣ, оказалось труднѣйшимъ, опаснѣйшимъ изъ всѣхъ уже мною исполненныхъ до того времени и впослѣдствіи.

Зорко осматривая долину вдоль сѣвернаго склона Малыхъ Балканъ, я переменными аллюрами благополучно приближался къ Хаинкію, какъ вдругъ, не доѣзжая около 8-ми верстъ до этого мѣста, вижу—подъ Малыми Балканами идетъ кавалерія безъ пикъ, а ея разъѣзды направляются прямо на мой ничтожный, состоящій изъ пяти всадниковъ, отрядецъ. Мы были убѣждены, что это черкесы. Я тотчасъ же свернулъ въ трубочку конвертъ и всунулъ его въ дуло револьвера, чтобы выстрѣломъ безслѣдно его уничтожить, и вслѣдъ за симъ промелькнула мысль: помощи, Господи, Чайковскому благополучно черезъ Хаинкію довести дубликатъ къ генералу Гурко! Я послалъ казака поближе разсмотрѣть наступавшіе разъѣзды. Онъ зарысилъ, осторожно пробираясь отъ куста до куста, зорко высматривалъ, останавливался и снова пробирался впередъ, и вдругъ пустился на выстрѣчу къ ближайшему разъѣзду. Стало быть, свои! Я просто воскресъ изъ мертвыхъ, и драгоцѣнный пакетъ, торжественно вынувъ изъ револьвернаго ствола, положилъ обратно въ сумку. Столь сильно напугавшій меня непріятель оказался нѣсколькими эскадронами Астраханскаго драгунскаго полка,

которымъ приказано было очистить долину отъ турецкой кавалеріи.

Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы, наконецъ вѣхали въ аванпостную цѣпь Кіевскаго гусарскаго полка. Итакъ, моя крайне рискованная командировка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: я тотчасъ же передалъ генералу Гурко конвертъ и словесное приказаніе главнокомандующаго. Здѣсь я встрѣтился съ моими товарищами по учебному эскадрону: поручикомъ лейбъ-драгунскаго полка Ковалевскимъ и майоромъ Карѣвымъ, командиромъ эскадрона Кіевскаго гусарскаго полка. Старые товарищи меня радушно пріютили у себя на бивакѣ, приказали накормить коней моихъ и казаковъ. Хотя они пришли не задолго на это мѣсто и еще не успѣли хорошо оглядѣться, все-таки, благодаря нашимъ смѣтливымъ и проворнымъ гусарамъ, нашелся овесъ въ снопахъ и въ котелкѣ кусокъ баранины. Черезъ сутки я получилъ отъ генерала Гурко отвѣтный конвертъ и отправился въ Тырново черезъ Хаинкіойскій проходъ, мѣстность котораго еще живописнѣ Шипки. Сначала дорога робко прижимается къ отвѣсной скалѣ надъ страшнымъ обрывомъ и потомъ, спустившись къ горному ручью, идетъ верстъ пять вдоль его русла. Весной и во время дождей этотъ проходъ недоступенъ, потому что ручей тогда обращается въ бурный стремительный потокъ. По дорогѣ я обогналъ транспортъ раненыхъ, слѣдовавшій на волахъ изъ-за Малыхъ Балканъ. Въ Тырновѣ я уже не засталъ главной квартиры и нашелъ ее подъ Плевною, въ Болгарени, куда и прибылъ 27 іюля, въ день рожденія и тезоименитства его императорскаго высочества главнокомандующаго, явившись къ которому я сдѣлалъ словесный докладъ о моей командировкѣ. Его высочество милостиво благодарилъ меня за точное исполненіе его личныхъ приказаній и ласково присовокупилъ: «ты, небось, голоденъ, поди, поѣшь что нибудь».

На другой день, 28 іюля, мы отправились въ Горный Студень, гдѣ и началось долгое, скучное сидѣніе безъ дѣла, почти цѣлый мѣсяцъ до 26-го августа. Я тѣмъ болѣе изнывалъ отъ скуки и бездѣлія, что мое воображеніе слишкомъ было разгорячено переправой черезъ Дунай, занятіемъ Шипки и моей послѣдней, богатой сильными ощущеніями, командировкой въ Хаинкіой, а тутъ какъ на грѣхъ на Шипкѣ пошли достопамятные августовскіе дни, когда, засѣвшіе на ея утесистыхъ вершинахъ, наши орлы доблестно отбивались отъ бѣшеныхъ атакъ закаленныхъ въ черногорскихъ битвахъ сулеймановыхъ таборовъ.

Во время моего пребыванія въ Горномъ Студенѣ произошли два случая о которыхъ я не въ правѣ умолчать, такъ какъ первый изъ нихъ имѣетъ важное историческое значеніе, наглядно свидѣтельствуя о той предательски-двуличной роли, которую по своему обыкновенію сыграла въ отношеніи насъ въ прошлую кам-

панію разлагающаяся Австрія. Однажды—это случилось во время моего дежурства—только что мы встали изъ-за обѣденнаго стола, какъ главнокомандующій потребовалъ меня въ свою палатку и, вручивъ распечатанную, но сложенную телеграмму, приказалъ отвезти ее къ государю императору. При этомъ его высочество до такой степени былъ спокоенъ и отдалъ приказаніе такимъ обыкновеннымъ тономъ, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы эта телеграмма заключала въ себѣ что нибудь особенно важное. Сѣвъ на коня, я отправился къ государю. Квартира его величества находилась почти противъ палатки главнокомандующаго, надобно было только перебраться черезъ крутую балку. Я отдалъ коня вѣстовому и поручилъ камердинеру доложить о себѣ. Возвратившись, камердинеръ открылъ дверь, сообщивъ мнѣ, что его величество проситъ войти. Я очутился въ небольшой устланной ковромъ комнатѣ. У единственнаго окна, какъ разъ противъ двери, стоялъ занимавшій въ ширину три четверти комнаты большой письменный столъ, за которымъ спиной къ дверямъ сидѣлъ государь въ очкахъ и занятъ былъ бумагами. Когда я вошелъ, государь повернулся ко мнѣ, видимо утомленный письменной работой.

— Ты отъ брата?—спросилъ его величество.

— Такъ точно,—отвѣтилъ я, подавая телеграмму.

По мѣрѣ того, какъ государь читалъ телеграмму, имъ овладѣвало тревожное чувство, и вдругъ лицо государя поблѣднѣло, руки стали дрожать, какъ при лихорадочномъ состояніи. Отдавая мнѣ телеграмму и другой рукою опершись о письменный столъ, его величество изволилъ меня спросить:

— Ты читалъ эту телеграмму?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Отнеси ее сейчасъ къ военному министру.

Квартира военнаго министра находилась рядомъ съ рабочимъ кабинетомъ государя. Графъ Милютинъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу и, прочитавъ телеграмму, тоже видимо былъ сильно взволнованъ. Онъ спросилъ меня, очень ли обезпокоился государь. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Ничего, я пойду, успокою государя,—сказалъ военный министр:—а вы, пожалуйста, отнесите телеграмму къ Гамбургеру.

Гамбургеръ (помощникъ государственнаго канцлера князя Горчакова, который по случаю своей болѣзни находился тогда въ Бухарестѣ) совершенно спокойно прочиталъ телеграмму и сказалъ мнѣ:

— Да вѣдь этого быть не можетъ! Все-таки пойдемте съ Бехтольсгейму (австрійскій военный агентъ).

Когда я замѣтилъ, что мнѣ содержаніе телеграммы до сихъ поръ еще неизвѣстно, и что если это не секретъ, то я бы желалъ узнать причину столь сильнаго безпокойства государя, Гамбургеръ далъ мнѣ прочитать телеграмму. Оказалось, что генераль Дрентельнъ, ко-

мендантъ тыла арміи, сообщилъ главнокомандующему о переходѣ австрійской кавалеріи черезъ румынскую границу, и тогда мнѣ стало яснымъ, почему телеграмма произвела такое тягостное впечатлѣніе. Занятіемъ Румыніи австрійская армія отрѣзывала задунайскую армію отъ Россіи. Другого сообщенія не существовало, потому что у насъ не было черноморскаго флота, оказывавшаго намъ въ прежнія войны съ турками великія услуги, и мы легко могли бы очутиться въ ловушкѣ. Прочитавъ телеграмму, Бехтольсгеймъ сказалъ:

— Не можетъ быть! Мой государь далъ слово хранить полный нейтралитетъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ его сдержитъ. Я сейчасъ же лично отправлю депешу въ Вѣну, и убѣжденъ, что получу успокоительный отвѣтъ.

Съ тѣмъ я и поѣхалъ обратно къ главнокомандующему. Потомъ я слышалъ, что изъ Вѣны дѣйствительно была получена успокоительная телеграмма: австрійцы оправдались тѣмъ, что ихъ кавалерія (теперь не помню, сколько именно) нечаянно перешла Румынскую границу во время маневрированія, и что ей приказано немедленно вернуться, а на начальника части, допустившаго такую оплошность, было наложено дисциплинарное взысканіе. Какъ бы то ни было, но у меня тогда же возникло убѣжденіе, что вся эта кутерьма съ переходомъ границы была не что иное, какъ только умышленный маневръ со стороны австрійцевъ, которые хотѣли помешать появленію ихъ кавалеріи въ Румыніи. Конечно, это для насъ было крайне нежелательно, и теперь совершенно понятно, почему мы были вынуждены согласиться на безсрочную австрійскую оккупацию Босніи и Герцеговины. При неимѣніи у насъ сильнаго флота на Черномъ морѣ, для насъ война съ Турціей безъ австрійскаго союза почти невозможна. Вздумай австрійцы въ прошлую войну снять съ себя маску своего исконнаго политическаго лицемѣрія и открыто угрожать правому флангу и тылу нашей дѣйствующей арміи, намъ бы предстояла нелегкая задача прежде разбить Австрію и затѣмъ ужъ довершить пораженіе турокъ.

VI.

Со второй половины августа у насъ началась усиленная дѣятельность: все готовилось къ предстоявшему большому сраженію; всѣ вѣрили, что Плевна на этотъ разъ непременно будетъ взята, и что взять ее, въ виду всѣхъ принятыхъ мѣръ, — совершенные пустяки. Въ этомъ были всѣ убѣждены отъ генерала до послѣдняго фургонщика. Войска сосредоточивались; крѣпостная артиллерія подвигалась, гвардейскій корпусъ поспѣшно слѣдовалъ черезъ Румынію къ Дунаю. Но третьей Плевнѣ предшествовало сраженіе подъ

Ловчей, въ которомъ мнѣ не удалось принять личнаго участія, хотя я туда и былъ посланъ главнокомандующимъ. 21 августа я пріѣхалъ въ г. Сельви, въ штабъ отряда свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго. Генералъ Скобелевъ назначенъ былъ начальникомъ авангарда, а полковникъ Паренсовъ—начальникомъ штаба отряда, назначеннаго взять Ловчу. Наканунѣ выступленія къ Ловчѣ собрали совѣтъ изъ главныхъ начальниковъ, на которомъ рѣшили (почему именно, теперь не помню) отложить атаку Ловчи на однѣ сутки. Мнѣ, какъ ординарцу главнокомандующаго, пришлось волей-неволей ѣхать къ его высочеству съ донесеніемъ о такомъ рѣшеніи совѣта.

Атака Ловчи имѣла тѣсную связь съ предполагавшейся третьей атакой Плевны, такъ какъ отрядъ князя Имеретинскаго послѣ взятія Ловчи долженъ былъ угрожать Плевнѣ съ южной стороны, что и было имъ въ точности исполнено, послѣ славной побѣды подъ Ловчей, гдѣ всѣ три оружія дѣйствовали образцово. Подъ Ловчей въ полномъ блескѣ выказался геній Скобелева. Очевидцы боя мнѣ рассказывали, что онъ былъ веденъ съ замѣчательною послѣдовательностью: усиленнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ выбили непріятели изъ передовыхъ позицій; потомъ пѣхота, перейдя съ боемъ крытый мостъ черезъ рѣку, городъ и виноградники, брала штыками редутъ за редутомъ на главной позиціи, и наконецъ кавалерія довершила пораженіе турокъ. Лихая Тутолминовская бригада въ ея неполномъ составѣ, такъ какъ нѣсколько сотенъ одного полка отсутствовали, ринулась врасплохъ на отступавшую и ошалѣвшую пѣхоту, и около пяти тысячъ турокъ пали подъ шашечными ударами молодцовъ линейцевъ. Эта блистательнѣйшая кавалерійская атака была довершена въ ущельѣ Кулебякинымъ, командиромъ сотни собственнаго конвоя его величества. Кстати вспомнить здѣсь о двухъ сотняхъ ингушей, которые въ это время, найдя себѣ лихихъ соперниковъ въ лубенскихъ гусарахъ, отличались съ послѣдними на восточномъ нашемъ фронтѣ, въ отрядѣ наслѣдника цесаревича, и даже въ конномъ строю выбивали турецкую пѣхоту изъ укрѣпленій и траншей. Эти двѣ сотни ингушей были откомандированы отъ Тутолминовской бригады вслѣдствіе разныхъ безчинствъ, совершенныхъ нѣкоторыми изъ нихъ во время движенія по Румыніи, за что и были отосланы въ Крымъ; но въ половинѣ августа явились отъ нихъ депутаты съ повинною къ главнокомандующему. Они просили его высочество простить ихъ и вновь вернуть въ дѣйствующую армію, такъ какъ пребываніе ихъ въ тылу настолько считалось для нихъ позорнымъ наказаніемъ, что, перенося такое, имъ стыдно было вернуться на родину.—«А если вы опять напроказите?»—замѣтилъ главнокомандующій. Тогда ингуши со свойственнымъ дикимъ сынамъ Кавказа простодушіемъ отвѣчали: «прежде чѣмъ дойдетъ до тебя жалоба на кого нибудь

изъ насъ, мы его зарѣжемъ». Его высочество съ обычной своей безконечной добротой милостиво простилъ ингушей. Они были возвращены изъ Крыма въ Рущукскій отрядъ, гдѣ вполне оправдали отличною службою возстановленное къ себѣ довѣріе главнокомандующаго. Итакъ, лубенцы и казаки Тутолмина краснорѣчиво доказали, что можетъ сдѣлать кавалерія, умѣющая хорошо владѣть холоднымъ оружіемъ и во время направленной опытнымъ начальникомъ, который вполне понимаетъ ея духъ и назначеніе въ бою.

Вспоминая о лубенскихъ гусарахъ, не могу обойти молчаніемъ, выдающіяся по своимъ значительнымъ результатамъ, дѣйствія 3-ей бригады 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи. Уланы его величества съ гвардейскими драгунами 28-го октября стремительнымъ набѣгомъ взяли съ боя очень важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Врацу и, произведя усиленную рекогносцировку подъ городомъ Берковацомъ, до 11-го декабря, дня выступленія къ Софіи, неуспышной развѣдочной службой на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ очистили отъ непріятеля огромный районъ отъ Врацы до сербской границы и отъ Дуная до Берковаца, въ то время какъ дивизіонъ гродненскихъ гусаръ среди весьма тяжелой обстановки въ Балканскихъ предгорьяхъ почти весь ноябрь мѣсяцъ и часть декабря удерживалъ непріятеля на Лютаковскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ. За это время однимъ изъ болѣе выдающихся эпизодовъ былъ лихой развѣздъ корнета гродненскаго полка Васьянова, который 13-го декабря, перейдя Балканы, пробрался въ тылъ непріятельскаго отряда и тамъ разрушилъ телеграфъ. Во время движенія генерала Гурко отъ Софіи, въ которую раньше всѣхъ ворвались усиленные развѣзды полковъ означенной бригады къ Филиппополю, эти полки шли въ авангардъ всего западнаго отряда; 26-го декабря гродненскіе гусары, поддерживаемые уланами его величества и астраханскими драгунами, выбили непріятеля изъ г. Ихтимана, взяли г. Банью и захватили нѣсколько транспортовъ и множество плѣнныхъ на Татаръ-Базарджикскомъ шоссе. Желаящіе ближе ознакомиться съ дѣйствіями полковъ 3-й гвардейской кавалерійской бригады могутъ найти самыя точныя подробности въ книгѣ А. Тальма: «Уланскій его величества и гродненскій гусарскій полки въ кампанію 1877—1878 годовъ».

Приближались роковые дни третьей Плевны. 25 августа, насъ, ординарцевъ, собрали къ палаткѣ генерала Левицкаго, который прочиталъ намъ диспозицію. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня я былъ разбуженъ залпами изъ крѣпостныхъ и полевыхъ орудій. Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ къ палаткѣ главнокомандующаго, гдѣ засталъ своихъ товарищей, прочихъ ординарцевъ. Мы получили приказаніе отправиться къ Плевнѣ, куда выѣхалъ и главнокомандующій. Съ 26 по 30 августа производилось усиленное бомбардированіе плевенскихъ редутовъ. Въ первый же день нѣкоторые изъ нихъ

были объаты племенемъ и во многихъ мѣстахъ разрушены. Такой успѣхъ артиллеріи еще болѣе убѣждалъ въ полной удачѣ назначенной на 30 августа атаки. Въ это время его высочество лично произвелъ рекогносцировку непріятельскихъ позицій. Турки, замѣтивъ наше движеніе, открыли жестокий артиллерійскій огонь по свитѣ главнокомандующаго. Одна изъ гранатъ, пролетѣвъ надъ его высочествомъ, упала въ какихъ нибудь 20 шагахъ, въ самую середину тутъ же залегшаго баталіона, но ея паденіе было для насъ такъ счастливо, что никого не ранило и даже не контузило. Другая граната опять пролетѣла такъ близко около генерала Галла, что лошади его и главнокомандующаго бросились въ сторону. Утромъ 30 августа мы уже были подъ Плевной. Наша артиллерія еще болѣе усилила огонь. Казалось, что всѣ редуты уже скрыты и снесены съ лица земли.

Послѣ разговора съ его величествомъ, главнокомандующій, поздравивъ меня, сказалъ: «тебя государь требуетъ». Я поспѣшилъ къ его величеству, изволившему мнѣ приказать слѣдующее: «Погода дурная, я боюсь, что до сумерекъ не успѣютъ кончить атаку; а потому побѣзжай къ Зотову (командиръ 4 корпуса) и скажи, что я приказалъ начать атаку двумя часами раньше, то есть не въ 4 часа, а въ 2 часа дня, о чемъ сообщи и всѣмъ старшимъ начальникамъ, которыхъ встрѣтишь на пути». Я тотчасъ же поскакалъ къ генералу Зотову, который въ это время долженъ былъ находиться у Тученицкаго оврага. Миновавъ артиллерійскую горку, я встрѣтилъ генерала Крюденера, ожидавшаго начала штурма, и передать ему полученное приказаніе. По мѣрѣ того какъ я приближался къ Тученицкому оврагу, начавшійся артиллерійскій огонь все болѣе усиливался. Сообщивъ объ измѣненіи часа начала штурма генералу Зотову, я поспѣшилъ въ обратный путь, пролежавшій по сильно обстрѣливаемой мѣстности. Оказалось, что нѣкоторыя части 4 корпуса уже начали преждевременно атаку, которая, слѣдуетъ полагать, имѣла неблагопріятное вліяніе на исходъ всего дѣла: наши атакующія части не имѣли возможности единодушно, дружно и одновременно ринуться на непріятельскія позиціи и подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ были разбиты по частямъ.

Во время моего обратнаго слѣдованія отъ генерала Зотова вся линія нашихъ войскъ уже производила наступленіе, лишь у крѣпостной батареи стоялъ одинъ баталіонъ съ красными околышами, какого полка—не помню. Когда я доложилъ его величеству объ исполненіи приказанія и обо всемъ послѣдовавшемъ, наша преждевременная атака уже была въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько шрапнелей такъ близко разорвались отъ мѣста, гдѣ стоялъ государь, что главнокомандующій вынужденъ былъ просить его величество отойти нѣсколько назадъ. Въ это время прискакалъ отъ Гривицкаго редута офицеръ генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что наши

потерпѣли неудачу, и что оврагомъ, къ возвышенности, на которой находился его величество, наступаетъ турецкая кавалерія. Тогда главнокомандующій, взявъ руку подъ козырекъ, со слѣдующими словами обратился къ государю:

— Ваше величество, прошу васъ уѣхать отсюда: теперь здѣсь вамъ не слѣдуетъ оставаться.

Меня же главнокомандующій немедленно послалъ привести тотъ баталіонъ, который встрѣтилъ я на обратномъ пути отъ генерала Зотова, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ казачьей сотнѣ въ разсыпномъ строѣ выдвинуться впередъ, къ сторонѣ наступавшей турецкой кавалеріи. Исполненный боевыхъ тревогъ, достопамятный день смѣнила ненастная ночь; темнота была непроглядная; шелъ мелкій дождикъ; лишь изрѣдка кое-гдѣ слышались отдѣльные выстрѣлы, послѣдніе замирающіе отголоски жестокаго боя 30 августа.

Мы находились подъ вліяніемъ тягостныхъ впечатлѣній отъ испытанной неудачи. Вдругъ прибылъ къ главнокомандующему флигель-адъютантъ, полковникъ Чингисъ-Ханъ, и доложилъ, что Гривицкій редутъ взятъ нашими войсками. Въ награду за добрую вѣсть, которая тѣмъ болѣе обрадовала его высочество и всю свиту, что была совершенно неожиданна, полковникъ Чингисъ-Ханъ былъ посланъ съ докладомъ къ государю; мнѣ же приказано отправиться за генераломъ Зотовымъ. Долго я блуждалъ въ совершенной темнотѣ, съ трудомъ ориентируюсь на огоньки и звуки рѣдкихъ выстрѣловъ, и только когда стало чуть брезжаться, наконецъ отыскалъ генерала Зотова, которому и передалъ приказаніе явиться къ главнокомандующему. Наибольшій успѣхъ въ роковой день третьей Плевны опять таки выпалъ на долю войскъ, дѣйствовавшихъ на Зеленыхъ горахъ подъ командой генерала Скобелева. Но такъ какъ на другой день не оказалось возможности поддержать его свѣжими резервами на занятыхъ послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя турецкихъ позиціяхъ, то генералъ Скобелевъ вынужденъ былъ отступить. Это донельзя удручавшее душу отступление мнѣ удалось видѣть съ фланга. Всѣ непріятельскія укрѣпленныя позиціи вокругъ Плевны были расположены такимъ образомъ, что вся мѣстность между ними, а въ случаѣ надобности и самые редуты сильно обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ. И вотъ мнѣ весьма отчетливо было видно, какъ ослабленныя наканунѣ большими потерями во время штурма, сильно порѣдѣвшія части Скобелевскаго отряда, шагъ за шагомъ съ бою отступали съ занятыхъ позицій. Донельзя утомленные предшествовавшими неимоверными кровавыми трудами и безсонной ночью, геройскія войска Скобелева, безъ всякой новой поддержки, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, мужественно отступали передъ массой все прибывавшихъ свѣжихъ турецкихъ резервовъ. Только слабый рѣдкій

огонь наши могли противопоставить непрерывнымъ залпамъ насѣдавшей непріятельской пѣхоты; только исконный страхъ передъ непоколебимой нравственной силой нашего солдата удерживалъ превосходнаго численностью врага, и только благодаря этому обстоятельству, возможно было отступить остаткамъ разстрѣленныхъ, но не побѣжденныхъ побѣдителей на Зеленыхъ горахъ. Постигшая насъ 30 августа неудача подъ Плевной сильно повліяла на насъ всѣхъ нравственно, въ особенности же на августѣйшаго главнокомандующаго; его высочество до того серьезно заболѣлъ, что его заставили лечь въ постель. Къ сожалѣнію, слишкомъ поздно стало ясно, что насъ мало для того, чтобы штурмомъ взять столь многочисленныя и столь сильно взаимно себя обороняющія укрѣпленныя позиціи Плевны. Пришлось дожидаться гвардіи и гренадеръ, которые должны были прибыть въ первой половинѣ сентября.

Главная квартира расположилась въ Боготѣ. Вскорѣ его высочество послалъ меня въ Ловчу, съ тѣмъ, чтобы я оттуда проѣхалъ по дорогѣ въ Балканы на Микре и на Траяновъ перевалъ развѣдать, какъ далеко отъ этихъ пунктовъ находятся турецкія регулярныя войска. Кромѣ того, мнѣ поручено было провѣрить слухи, дѣйствительно ли турецкіе транспорты, кромѣ Софійскаго шоссе, слѣдуютъ еще и проселками на Микре. Въ Ловчѣ комендантъ города, генераль Карцевъ, сообщилъ мнѣ, что на оба вышеозначенные пункты имъ уже посланы по одной казачьей сотнѣ, но что донесеній оттуда еще не получено. Переночевавъ въ Ловчѣ, я раннимъ утромъ поѣхалъ въ Микре. Погода стояла самая дурная, настоящая осень. Дорога шла ущельями, среди Балканскихъ предгорій, поросшихъ густымъ лѣсомъ; она была усеяна множествомъ тряпокъ и окровавленными клочками разорванныхъ мундировъ и амуниціи. Эти слѣды наглядно свидѣтельствовали, что послѣ погрома подъ Ловчей и подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ атаки Кавказской бригады генерала Тутолмина, обѣятыя паникой турецкія войска бѣжали именно по этой дорогѣ, на Микре. Въ послѣднемъ пунктѣ нашелъ я въ весьма слабомъ числѣ рядовъ казачью сотню и ея командира, который сообщилъ мнѣ, что имъ еще съ утра посланы три развѣзда; два изъ нихъ уже вернулись съ донесеніемъ, что непріятеля нигдѣ не встрѣтили, а третій развѣздъ еще не прибылъ. Такъ какъ было слишкомъ поздно для того, чтобы слѣдовать дальше, я не отказался отъ предложеннаго мнѣ командиромъ сотни стакана чая. Но едва только принялись мы за чай, какъ вошедшій урядникъ доложилъ о прибытіи 3-го развѣзда. Мы, разумѣется, поспѣшили разузнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что изъ шести посланныхъ казаковъ вернулись всего двое, и то на крѣпко измученныхъ коняхъ. Прискакавшіе казаки сообщили, что прочіе четыре товарища частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ. Развѣздъ былъ отрѣзанъ двумя турецкими эскадронами;

уцѣлѣвшіе казаки, какъ ѣхавшіе впереди, успѣли прорваться и усаkali отъ преслѣдующаго непріятеля. Я тотчасъ же предложилъ командиру сотни осѣдлатъ коней и поспѣшить ва выручку захваченныхъ казаковъ. Но пока мы собрались, наступила такая темнота, что, несмотря на надежнаго проводника, мы попали въ топкое болото, откуда только съ большимъ трудомъ удалось намъ выбраться. Такимъ образомъ до разсвѣта нечего было и думать о выступленіи изъ Микре. Еще днемъ, когда я подъѣзжалъ къ Микре, я замѣтилъ удобную для небольшого отряда позицію; туда мы и отправились. Казаки побатовали коней, и мы расположились на ночлегъ со всѣми мѣрами предосторожности; но непріятель насъ не потревожилъ.

На разсвѣтѣ мы быстро двинулись на развѣдку непріятеля и выручку захваченныхъ казаковъ. Каково же было наше радостное удивленіе, когда, не доходя до Турскаго-Издвора, мы встрѣтили на дорогѣ всѣхъ нашихъ пропавшихъ казаковъ живыхъ и цѣлехонкихъ! Только лошади у двоихъ оказались убитыми. Спѣшнные казаки, перебираясь отъ куста къ кусту, шли по склону огромной горы и, замѣтивъ приближеніе нашей сотни, спустились на дорогу. Разсказъ отрѣзанныхъ непріятельской конницею четырехъ казаковъ настолько занимателенъ и даже поучителенъ, какъ характеристика казачьей тактики и стратегіи, что я считаю не лишнимъ привести его въ цѣлости. Они рассказывали приблизительно вотъ что.

Въ двухъ верстахъ, не доходя до Турскаго-Издвора, ведущее къ нему ущелье развѣтвляется на два ущелья — одно изъ нихъ идетъ на Тетевень, который на огромной горѣ едва замѣтенъ съ его укрѣпленіями, а другое ущелье расширяется въ долину, поросшую садами, среди которыхъ расположена деревня Турскій-Издворъ. Изъ садовъ этой деревни насъ встрѣтили выстрѣлами башибузуки. Мы обскакали сады и выбили оттуда башибузуковъ; они заняли было окраину деревни, но мы ихъ прогнали далеко за деревню, а сами, поставивъ сторожевой постъ для наблюденія за непріателемъ, стали запрягать буйволовъ и нагружать каруцы (повозки) всякимъ добромъ. Когда обозъ изъ десяти каруцъ былъ готовъ, мы сняли сторожевой постъ и направились обратно къ Микре; но, дойдя до мѣста, гдѣ ущелье расходится на два прохода, мы увидѣли, что намъ загородили дорогу два турецкихъ эскадрона, которые пришли изъ Тетевеня. Тогда мы, зарубивъ двухъ захваченныхъ нами въ плѣнъ, бросили обозъ, взяли пики на перевѣсъ и бросились въ самую середину турокъ. Турки разступились передъ нами. Но, когда мы проскочили, по насъ начали стрѣлять и убили двухъ лошадей. Тутъ мы пѣшіе быстро взбѣжали на гору и залегли за большимъ камнемъ. Трое турокъ слѣзли было съ коней и бросились за нами, но мы уложили ихъ всѣхъ изъ винтовокъ. Увидѣвъ такое дѣло, прочіе

турки уже не посмѣли насъ потревожить и только издали махали намъ платками и просили, чтобы мы вышли къ нимъ изъ нашей засады; но мы не шли, а звали ихъ къ себѣ. Тутъ они погалдѣли, погалдѣли по-своему и повернули обратно; мы же ушли въ горы.

— А подушки съ сѣдла, небось, бросили, ракаліи, на лоша-
дяхъ?—спросилъ сотенный командиръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, подушки успѣли снять,—
отвѣчали казаки.

Дойдя до мѣста встрѣчи казаковъ съ турецкой конницей, я убѣдился въ вѣрности описанія ими характера мѣстности и въ прочихъ подробностяхъ ихъ разсказа. Тутъ же находился во всей неприкосновенности брошенный казаками обозъ; буйволы преспокойно паслись на свободѣ. Вѣроятно, турки вслѣдствіе наступившей темноты не успѣли увезти съ собой обоза и, кромѣ того, опасались появленія нашихъ, болѣе значительныхъ силъ, чѣмъ ничтожный казачій разъѣздъ. Во всякомъ случаѣ ихъ апатическое бездѣйствіе было просто непростительно. Итакъ, казачій разъѣздъ изъ какихъ нибудь нѣсколькихъ человѣкъ, далеко отъ своей части, среди мѣстности, крайне пересѣченной и занятой несравненно сильнѣйшимъ непріателемъ, хозяйничаетъ, какъ у себя дома, среди раздолья степей тихаго Дона, при чемъ обнаруживаетъ силу воли, предпримчивость и смѣтливость, доходящую до безумной дерзости. Пожалуй, скажутъ—все это было совершено во имя инстинкта наживы. Но если это такъ, то все-таки возникаетъ серіозный вопросъ: какимъ образомъ при столь неблагоприятныхъ условіяхъ и съ такими ничтожными средствами была достигнута въ данномъ случаѣ извѣстная цѣль? И невольно придется изумиться природной смѣтливости казаковъ, ихъ необычайному глазу, чутью, находчивости, которые въ совокупности и составляютъ ихъ доморощенную тактику и стратегію, внушенную имъ однимъ только Господомъ и отнюдь не вычитанную изъ нѣмецкихъ философскихъ разсужденій о развѣдочной службѣ кавалеріи, которыя такъ трудно согласовать съ безпредѣльной удалю русскаго человѣка и съ вдохновенными порывами его самобытнаго, практически находчиваго ума. Но возвратимся къ прерванному изложенію фактовъ.

Наученный опытомъ, прежде чѣмъ итти на Турскій-Издворъ, я выставилъ на удобнѣйшемъ мѣстѣ постъ, чтобы стеречь ущелье, ведущее къ Тетевени. Въ самомъ Издворѣ и на нѣсколько верстъ далѣе нигдѣ непріателя не оказалось. Казаки запрягли буйволовъ въ оставленные турками повозки, и обозъ опять отправился къ Микре. Въ это время со сторожевого поста дали знать, что отъ Тетевени опять появилась непріятельская кавалерія. Не бросая обоза, мы поспѣшили къ перекрестку ущелій и въ дѣйствительности увидѣли два турецкіе эскадрона, которые въ двухъ съ чѣмъ-то верстахъ отъ насъ развернули фронтъ. Мы тоже вытянулись въ

одну шеренгу, чтобы фальшивою численностью издали обмануть неприятеля, который вскорѣ послѣ того обратно повернулъ къ Тевени. Слѣдя за ихъ оступленіемъ, мы убѣдились, что этотъ пунктъ занять былъ регулярными войсками, съ артиллеріею, кавалеріею и башибузуками. Вернувшись изъ этой рекогносцировки, и оставивъ въ сторонѣ Ловчу, я прямо черезъ Балканы проѣхалъ къ Траянову перевалу, но нигдѣ на пути неприятеля не встрѣтилъ; самый же перевалъ оказался занятъ турками. Въ Горномъ Студнѣ я узналъ о прибытіи гвардіи, расположившейся тутъ же и по ближайшимъ окрестностямъ. Въ началѣ октября гвардейскіе полки выступили за рѣку Видъ, а главная квартира перешла въ Боготъ. Во время боя 12-го октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ я былъ при его высочествѣ главнокомандующемъ на Медованскихъ высотахъ. Послѣ занятія Телиша, Горнаго и Дольнаго Дубнякавъ, сильные редуты которыхъ защищали Орханійское шоссе изъ Плевны черезъ Балканы въ Софію, Плевненскія позиціи оказались окруженными съ трехъ сторонъ; оставалась свободно только одна сѣверо-западная сторона къ Старому Искеру. Генералъ Гурко выразилъ желаніе двинуться съ частью гвардіи далѣе по Орханійскому шоссе, чтобы окончательно отрѣзать Плевну отъ Забалканской Болгаріи, Румеліи и всей Турціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить успѣхъ дальнѣйшаго наступленія нашего черезъ Балканы послѣ паденія Плевны. Но прежде, чѣмъ предпринять это весьма важное по своимъ благоприятнымъ послѣдствіямъ движеніе къ Балканамъ, слѣдовало весь свободный для турокъ промежутокъ на мѣстности за рѣкой Видомъ занять новыми войсками. Поэтому съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія гренадеръ, которые должны были на означенной мѣстности смѣнить гвардейскія части и такимъ образомъ дать имъ возможность исполнить стратегическій планъ генерала Гурко. Отъ его высочества я получилъ новое приказаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Съ шестью казаками отправишься за рѣку Видъ, къ Горному Метрополю, и тамъ образуешь наблюдательный постъ, въ промежутокъ отъ гвардейскихъ частей до румынскихъ, съ тѣмъ, чтобы до прибытія гренадеръ ты оставался тамъ не отлучно, а въ случаѣ вылазки Османа-паши изъ Плевны ты долженъ первый дать знать объ этомъ генералу Гурко.

Прибывъ на требуемое мѣсто, я избралъ своимъ обсервационнымъ пунктомъ Копаную Могилу, гдѣ оставался все время до прихода гренадерской части генерала Данилова, коему и сдалъ свой наблюдательный постъ, и затѣмъ вернулся въ главную квартиру. Оставленная мною Копаная Могила находилась въ 7-ми верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Дольнаго Дубняка и въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ Опанецкаго редута, занятаго турками, и противъ котораго стояли румыны. Черезъ два дня отъ начала моего пребы-

ванія у Копаной Могилы, продолжавшагося около четырехъ сутокъ, къ этому пункту прибыла Донская батарея подъ прикрытіемъ румынской кавалеріи. Батарея обстрѣливала Опанецъ, но снаряды, несмотря на подрывіе хоботовъ, не долетали. Не желая напрасно терять много свободного времени, я между прочимъ занимался у Копаной Могилы высматриваніемъ турецкихъ запасовъ, находившихся на нагорной части окрестностей Плевны. Къ этому мѣсту я подѣзжалъ нѣсколько разъ съ разныхъ сторонъ и такимъ образомъ успѣлъ съ приблизительной точностью пересчитать скирды хлѣба и стога сѣна, а также и стада пасущагося тамъ же скота. Всѣхъ высмотрѣнныхъ мною запасовъ по моему расчету должно было хватить не болѣе, какъ на мѣсяць, для продовольствованія Плевненской арміи, о чемъ я и доложилъ его высочеству. И дѣйствительно, какъ оказалось впоследствии, мнѣ удалось угадать время паденія Плевны.

Возвратясь изъ послѣдней рекогносцировки, я продолжалъ свои очередныя дежурства при его высочествѣ. Наступили холода и морозы. По ночамъ дежурства были особенно тяжелы; приходилось спать на соломѣ, въ холодной палаткѣ, разбитой въ видѣ сѣней при юртѣ его высочества, въ которой тоже было холодно. Наши дежурства разнообразились частыми поѣздками на Зеленныя горы къ генералу Скобелеву. Почти не проходило ни одного дежурства безъ того, чтобы не пришлось побывать у него два раза. Бывало, только успѣешь выпить стаканъ чая въ юртѣ его высочества, какъ слышится одинъ выстрѣлъ, потомъ другой, а за нимъ—третій, и пойдутъ залпы перекатами. Тогда его высочество обращался къ дежурному: «Поѣзжай, узнай, что тамъ дѣлается; не вылазка ли?» Сядешь, бывало, на всегда готоваго коня и, прискакавъ на Зеленныя горы, разыщешь генерала гдѣ нибудь въ траншеяхъ и отрапортуешь ему, что его высочество прислалъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Ничего особеннаго, — отвѣтитъ генералъ Скобелевъ, — турки начали, мы отвѣчали.

И чтобы лично убѣдиться въ настоящемъ положеніи дѣла, на тотъ случай, если бы его высочество пожелалъ узнать подробности, посланный ординарецъ обходитъ за генераломъ траншеи. На самыхъ опасныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ траншея насыпана только на высоту груди, или гдѣ случался особенно сильный огонь, Скобелевъ любилъ останавливаться и вести разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ грозной обстановкой: рассказывалъ бывало о Бухарестѣ и о томъ, какъ хорошо жилось ему тамъ во время послѣдняго отпуска. Едва только начнетъ свѣтать, и на Зеленыхъ горахъ опять раздаются одиночные выстрѣлы, а вслѣдъ за ними залпы, и опять слышишь голосъ его высочества: «Дежурный, поѣзжай узнать, въ чемъ дѣло». И опять то же самое и тотъ же отвѣтъ генерала Слобелева. Надо за-

мѣтить, что въ то же время на всѣхъ остальныхъ позиціяхъ было совершенно спокойно, и, кромѣ одиночныхъ выстрѣловъ изъ крѣпостныхъ ружей, въ продолженіе дня, а тѣмъ болѣе, ночью ничего не было слышно. Когда же генерала Скобелева назначили начальникомъ резерва, расположеннаго въ Учендолѣ, поручивъ ему атаковать Османа-пашу въ случаѣ вылазки, а командованіе на Зеленыхъ горахъ ввѣрили другому лицу, — безпокойныя перестрѣлки на этихъ позиціяхъ сразу прекратились.

VII.

Вскорѣ мнѣ пришлось отправиться подъ Елену. Получивъ телеграмму о дѣлѣ подъ Еленой, его высочество передалъ мнѣ въ такихъ выраженіяхъ свое приказаніе:

— Подъ Еленой у насъ неудача, наши сильно пострадали. Ты экстренно поѣдешь туда, отъ моего имени поблагодарить войска, чтобы улучшить ихъ нравственное настроеніе; кромѣ того, узнай, отчего кавалерія прозѣвала и допустила непріятеля врасплохъ произвести нападеніе.

Подъ Еленой пострадали Сѣвскій и Брянскій полки, боевой славы которыхъ его высочество былъ очевидцемъ еще въ Севастополѣ во время Крымской войны. Кромѣ того, они отличились на Шипкѣ. Отъ Богота до Елены 125 верстъ. Я выѣхалъ съ 4-мя казаками и съ корнетомъ Минквицемъ, возвращавшимся въ свой полкъ. Почти до Тырнова мы съ нимъ ѣхали вмѣстѣ. Эти 125 верстъ я сдѣлалъ менѣе чѣмъ въ однѣ сутки на необыкновенно сильномъ 4-хъ-вершковомъ кабардинцѣ, купленномъ у командира 2-й сотни владикавказскаго казачьяго полка, Пшеленскаго, останавливаясь кормить лошадей въ Ловчѣ, Сельви и Тырновѣ. Вслѣдствіе сильной усталости коней, всѣ мои спутники отъ меня отстали, кромѣ одного лишь казака, да и тотъ остался позади, не доѣзжая 15 верстъ до монастыря св. Николая, куда я прибылъ совершенно одинъ и нашелъ тамъ князя Святополкъ-Мирскаго, къ которому подтягивалась бригада 11 корпуса. Въ слѣдующій день я отправился на позицію, находившуюся по другую сторону ущелья, верстахъ въ пяти отъ монастыря. Позиція, сильная сама по себѣ, по особенному характеру мѣстности, весьма дѣятельно укрѣплялась; но людей, ее занимавшихъ, я засталъ въ невозможномъ видѣ: многіе изъ нихъ были безъ шинелей и мундировъ, въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ и сапогахъ, и кутались въ полотнища отъ палатокъ. Между тѣмъ стояла холодная погода, отъ которой люди много страдали. Хорошо еще, что Орловская губернія прислала транспортъ съ теплой одеждой, табакомъ, чаемъ и прочими предметами, во многомъ облегчившій тяжкое положеніе Орловскаго, Брянскаго,

Елецкаго и Сѣвскаго полковъ. Въ тотъ же день у князя Святополкъ-Мирскаго собрался военный совѣтъ рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли атаковать турокъ, когда прибудетъ бригада 11 корпуса, или же оставаться въ оборонительномъ положеніи, защищая Тырново, а вмѣстѣ съ нимъ и весь тылъ Шипкинскаго и Плевненскаго отрядовъ? Я тоже присутствовалъ на этомъ совѣтѣ, и когда онъ окончился, пожелали узнать мое мнѣніе, какъ посторонняго частнаго лица. Я отвѣчалъ, что, не зная подробностей обстановки и силъ непріятеля, сказать что нибудь положительное весьма трудно, но въ общемъ мое мнѣніе таково, что если можно навѣрняка одолѣть турокъ, то это непременно слѣдуетъ сдѣлать; если же успѣхъ сомнителенъ, то въ виду положенія дѣлъ на Шипкѣ и подъ Плевной и того обстоятельства, что въ Тырновѣ, кромѣ лазарета, не имѣется ни одного солдата, лучше оставаться въ оборонительномъ положеніи. Вскорѣ затѣмъ получена была телеграмма изъ главной квартиры съ извѣстіемъ о взятіи Плевны и плѣненіи всей 40-тысячной арміи Османа-паши.

Вслѣдствіе этого великаго по своимъ послѣдствіямъ событія, произведенны были перемѣны въ дислокаціи войскъ, и бригада 11 корпуса вернулась обратно на мѣсто своей прежней стоянки. Я отправился въ Боготъ. Что же касается до порученнаго мнѣ разъясненія причинъ нашей неудачи подъ Еленой, то генераль Бодиско (командиръ кавалерійской бригады) показывалъ мнѣ всѣ донесенія, полученныя имъ отъ орденскихъ драгунъ, которые, еще задолго до катастрофы, до мельчайшихъ подробностей доносили о томъ, что турки готовятся къ наступленію, исправляютъ дороги, подходятъ артиллерія, и что наконецъ появились въ большомъ числѣ башибузуки, предвѣстники близкаго наступленія регулярныхъ войскъ, которыхъ, по свѣдѣніямъ отъ перебѣжчиковъ, сосредоточивается до 15.000. Но къ этимъ донесеніямъ въ штабѣ корпуса отнеслись съ полнымъ недоумѣніемъ. Какъ образчикъ отвѣта на посылаемыя донесенія орденскихъ драгунъ, генераль Бодиско показывалъ мнѣ записку, въ которой между прочимъ сказано: «Вы такихъ страстей наговорите про турокъ, что ночью приключится кошмаръ». Такимъ образомъ турки успѣли безпрепятственно сосредоточиться и изготавиться къ атакѣ, которую стремительно произвели на разсвѣтѣ. Оттѣснивъ драгунъ, они заняли слабую переднюю линію траншей и бросились на нашъ лагерь. Тутъ-то и началась рѣзня. Полураздѣтые люди, спросонья, едва успѣвъ захватить ружье и патроны, бросались въ рукопашную свалку. Да и сонъ нижнихъ чиновъ въ эту злополучную ночь былъ особенно крѣпокъ, такъ какъ въ одномъ изъ полковъ, насколько лишь позволяли средства, наканунѣ отпраздновали всей бригадой полковой праздникъ. Подъ натискомъ тяжело обрушившейся массы непріятельскихъ силъ атакованныя части начали отступать.

Улицы Елены были загромождены орудіями, патронными ящиками, трупами людей и лошадей. Особенно труденъ оказался выходъ изъ дефиле на равнину, посреди которой пролежала довольно большая возвышенность въ родѣ естественнаго бруствера. Къ нему-то и слѣшили сосредоточиться отступающія части войскъ, какъ къ сильному опорному пункту. Но турки стали обходить городъ, намѣреваясь запереть изъ него выходъ и не допустить насъ до этой позиціи. Тогда командиръ Орловскаго полка, полковникъ Клевезаль, во главѣ двухъ ротъ бросается въ штыки на обходящихъ турокъ, и настолько пріостанавливаетъ ихъ наступленіе, что большинство нашихъ успѣваютъ выбраться изъ дефиле и занять новую позицію.

Такимъ образомъ двѣ роты храбрецовъ спасли весь отрядъ, но зато почти были уничтожены въ неравномъ отчаянномъ рукопашномъ бою съ численно превосходнымъ противникомъ. Оставшіеся въ живыхъ человекъ около 50 съ ихъ доблестнымъ полковымъ командиромъ, сжатые со всѣхъ сторонъ массой непріятельской пѣхоты, попались въ плѣнъ. Послѣ того какъ на совѣтѣ рѣшили турокъ не атаковать, я выѣхалъ обратно съ Боготъ. Явившись съ докладомъ къ его высочеству, я отпросился посмотрѣть поле сраженія, гдѣ положила оружіе армія Османа-паши. Будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью Плевненскихъ позицій, я поѣхалъ для сокращенія пути прямокомъ, но, лишь въѣхалъ въ линію турецкихъ траншей, убѣдился, что черезъ нихъ верхомъ пробираться весьма трудно. Подъ фронтальными фасадами своихъ траншей и редутовъ турки устроили значительные подкопы. Тамъ они согрѣвались у разложенныхъ огней и находили отличную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ. Обыкновенно подвергался опасности одинъ лишь часовой, обязанный слѣдить за непріятельскими дѣйствіями. Въ случаѣ нашего наступленія часовой предупреждалъ своихъ о приближающемся непріятелѣ, и тогда турки, не высовывая даже головъ изъ-за гребня траншей, открывали свой убійственный огонь. Но лишь только прекращалась атака, турки опять прятались въ свои норы, гдѣ находились въ совершенной безопасности. Плевна послѣ своего паденія представляла настоящее царство смерти, разазы и невѣроятныхъ человѣческихъ страданій. Только при сильныхъ, привычныхъ нервахъ можно было выносить подобное страшное зрѣлище. Стоявшіе тогда холода еще болѣе увеличивали бѣдственное положеніе множества турецкихъ раненыхъ; брошенные на произволъ судьбы, они умирали по погребамъ и разлагались среди своихъ живыхъ товарищей. Наша администрація выбивалась изъ силъ, чтобы всѣхъ накормить, но не было средствъ и не хватало хлѣба для 40-тысячной плѣнной арміи и для 10 тысячъ раненыхъ и больныхъ турецкихъ солдатъ. Османъ-паша слишкомъ затянулъ сдачу Плевны. Гдѣ было намъ достать ежедневно

50.000 фунтовъ хлѣба и столько же мяса, когда въ Плевнѣ все было дочиста съѣдено, а скудный привозъ съѣстныхъ запасовъ едва былъ достаточенъ для удовлетворенія нуждъ собственныхъ войскъ? Тотъ, кому пришлось хоть разъ увидѣть, какъ лошади транспорта, надорвавшись отъ чрезмѣрной работы, падали и издыхали въ глубокой вязкой грязи, едва ли имѣетъ право роптать на администрацію за то, что ему пришлось иногда поголодать. Повторяю, наша администрація сдѣлала все въ предѣлахъ человѣческой возможности, для спасенія турецкихъ плѣнныхъ и больныхъ; но они все-таки умирали съ голоду и холоду цѣлыми сотнями. Замерзшіе трупы несчастныхъ страдальцевъ складывали въ большія пирамиды и предавали землѣ.

Въ одномъ мѣстѣ, подъ заборомъ, больной, полуживой турокъ простиралъ ко мнѣ руки и жалобно просилъ «экъ-мекъ!» (хлѣба). Я далъ ему 25 копеекъ. Но мнѣ затѣмъ самому досадно стало при мысли, что этотъ бѣднякъ врядъ ли можетъ извлечь какую нибудь пользу изъ этихъ денегъ: въ то время въ Плевнѣ ни за какія деньги нельзя было достать ломтя хлѣба. Осмотрѣвъ городъ и окрестныя позиціи, я опять побывалъ у давно знакомой Копаной Могилы. Именно въ этой мѣстности произошелъ бой 28-го ноября, и разбитая армія Османа-паши положила оружіе. Все поле сраженія было изборозжено гранатами и усѣяно множествомъ лежащихъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ турокъ. Нашихъ убитыхъ уже прибрали и, положивъ рядами, приготовили къ погребенію. На слѣдующій день наши успѣли очистить эту мѣстность, и на ней его величество смотрѣлъ войска. Государь объѣхалъ всѣ части и, поздоровавшись съ ними, пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ. Общій характеръ и порядокъ смотра былъ тотъ же, что и въ мирное время въ Петербургѣ или Варшавѣ на военномъ Мокотовскомъ полѣ, только вмѣсто щегольской парадной формы на плевненскихъ герояхъ была сильно истрепавшаяся одежда; но зато какія лица, какое всеобщее восторженное настроеніе, какимъ потрясающимъ богатырскимъ «ура» отвѣчали войска на милостивое привѣтствіе отца-государя, и, наконецъ, сколько георгіевскихъ крестовъ. Особенно много было георгіевскихъ кавалеровъ въ Казанскомъ драгунскомъ полку, который усердно поработалъ еще во время перваго лѣтняго перехода за Балканы.

Раздѣлавшись съ причинившей намъ столько хлопотъ Плевной, наши войска перешли въ рѣшительное и весьма быстрое наступленіе. Еще задолго до разгрома арміи Османа-паши, западный отрядъ генерала Гурко, втянувшійся въ Балканскія предгорія, настойчиво подготовлялъ успѣхъ достопамятнаго зимняго перехода Балканъ. 20-го декабря, гвардейскій корпусъ и прочія части западнаго отряда черезъ Арабъ-Конакскій перевалъ съ боемъ двинулись къ Софіи и отбросили армію Сулеймана-паши къ Татаръ-Ба-

зарджику и Филиппополю. Черезъ трудный Траяновъ перевалъ спустился въ южную Болгарію отрядъ генерала Карцева. Наконецъ, 27-го и 28-го декабря, общими усиліями войскъ генераловъ Радецкого, Святополкъ-Мирскаго и Скобелева, атакующихъ Шипкинскую армію Весель-паши, блистательно устранена была послѣдняя грозная преграда на нашемъ пути въ Румелію, и опять 40 тысячъ турокъ положили оружіе. Въ началѣ Шейновскаго боя при рекогносцировкѣ Скобелевымъ мѣстности, по которой приходилось вести атаку на турецкіе редуты, бывшіе съ нимъ, теперь уже генералы, Куропаткинъ и Ласковскій, были почти одновременно ранены въ одно и то же мѣсто, ниже ключицы. Но это имъ не помѣшало съ успѣхомъ окончить порученное имъ дѣло. Точно хлынувшія черезъ запруду волны разлившейся рѣки, устремились наши войска къ Адріанополу, къ которому быстро двинулся Скобелевскій отрядъ, имѣя въ авангардѣ кавалерійскую дивизію подъ командой генерала Струкова. Послѣдній со свойственной ему энергіей и пылкой предпріимчивостью совершаетъ свое стремительное и весьма важное по результатамъ движеніе на Тырново-Сейменли и Адріанополь. Захватъ кавалеріей генерала Струкова желѣзнодорожнаго узла Тырново-Сейменли окончательно рѣшаетъ участь арміи Сулеймана-паши. Преслѣдуемый по пятамъ войсками генерала Гурко, Сулейманъ-паша во что бы то ни стало стремился занять сильно укрѣпленный Адріанополь. Въ виду этого изъ Филиппополя онъ телеграфировалъ въ Тырново-Сейменли о немедленной присылкѣ всѣхъ имѣвшихся вагоновъ и платформъ для экстренной перевозки его войскъ къ Адріанополу; но телеграмма была перехвачена генераломъ Струковымъ, который и увѣдомилъ Сулеймана, что Тырново-Сейменли уже въ нашихъ рукахъ.

Такимъ образомъ Сулейманъ увидаль себя отрѣзаннымъ отъ Адріанополя, а лихимъ ночнымъ боемъ подъ Филиппополемъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка вынужденъ былъ съ громаднымъ урономъ отступить въ Родопскія горы. Казачій № 30-й полкъ Грекова довершилъ неудачу Сулеймана, отнявъ у него послѣднихъ лошадей. Въ Адріанополь его высочество отправился черезъ Шипку, и въ Казанлыкѣ встрѣчалъ новый 1878 годъ. Обозы застряли на Шипкинскомъ перевалѣ, такъ что главная квартира налегкѣ поспѣвала за передовыми отрядами Скобелева. Турецкіе уполномоченные встрѣтили главнокомандующаго въ Казанлыкѣ, гдѣ и начали переговоры о мирѣ; но такъ какъ они на требованія его высочества не соглашались, то мы и дошли съ ними до Адріанополя, а войска выдвинуты были впередъ къ Константинополю и заняли линію Чаталджи. Послѣ подписанія прѣлиминарныхъ условій мира, его высочество, въ виду своего разстроеннаго здоровья, просилъ султана выбрать для себя главную квартиру на берегу Мраморнаго моря, и такъ какъ назначенная комиссія въ районѣ завоеванной нами мѣстности не нашла

удобнаго пункта для мѣстожителства главнокомандующаго, то султанъ предложилъ занять Санъ-Стефано. По полученіи приглашенной телеграммы султана, былъ составленъ экстренный поѣздъ, насъ разбудили ночью, поставили въ вагоны верховыхъ коней и сотню гвардейскихъ казаковъ, и только съ этимъ ничтожнымъ конвоемъ его высочество отправился въ Санъ-Стефано. У Чатаджи главнокомандующій произвелъ смотръ войскамъ, находившимся подъ командой генерала Скобелева, которыя въ данную минуту составляли очень внушительную силу подъ рукой главнокомандующаго. Когда послѣ смотра его высочество опять сѣлъ въ вагонъ, чтобы продолжать путь въ Санъ-Стефано, поѣздъ былъ остановленъ новымъ распоряженіемъ изъ Константинополя. Такъ мы простояли на мѣстѣ очень долго, почти до вечера, пока велись по телеграфу переговоры съ Константинополемъ. Наконецъ, долготерпѣніе его высочества было исчерпано. Исполненный справедливаго негодованія не неблаговидныя выходки константинопольскихъ хитроумныхъ политикановъ, его высочество, какъ мнѣ было передано достовѣрными лицами, приказалъ отправить въ Константинополь слѣдующаго рода телеграмму: «Всему свѣту извѣстно, что русскій главнокомандующій пріѣхалъ сюда для того, чтобы далѣе слѣдовать въ Санъ-Стефано; поэтому, если его не пропустятъ гостемъ, то онъ войдетъ побѣдителемъ, приказавъ собраннымъ подъ ружье войскамъ немедленно штурмовать турецкія позиціи». И дѣйствительно, стоявшія близъ желѣзнодорожной станціи войска отряда генерала Скобелева были въ полной готовности ринуться на Константинополь, по первому мановенію своего горячо любимаго августѣйшаго вождя.

Вскорѣ послѣ этого ультиматума, была получена отвѣтная телеграмма благопріятнаго содержанія. Нашъ поѣздъ тронулся впередъ, а вслѣдъ за нимъ Скобелевскій отрядъ. Такимъ образомъ, благодаря только рѣшительности и непоколебимой силѣ воли его высочества, въ эту критическую минуту спасены были честь и достоинство нашей арміи, а слѣдовательно и всей русской державы, и Скобелевскому отряду удалось занять безъ капли крови цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ позицій, защищавшихъ Константинополь на всемъ протяженіи отъ Чернаго до Мраморнаго моря. Въ Санъ-Стефано, составляющее какъ бы предмѣстье Константинополя, его высочество пріѣхалъ ночью и былъ восторженно встрѣченъ христіанскимъ населеніемъ этого городка, съ иконами, хоругвями и факелами. Главнокомандующій прослѣдовалъ пѣшкомъ въ отведенное помѣщеніе; мы же, ординарцы и прочія лица свиты, размѣстились гдѣ попало и заснули богатырскимъ сномъ, ничуть не придавая особенно важнаго значенія тому обстоятельству, что мы расположились на ночлегъ, какъ дома, съ одной лишь гвардейской казачьей сотней среди расположенія турецкихъ войскъ, кото-

рыя только утромъ слѣдующаго дня отошли дальше къ Константинополю, уступивъ свои позиціи впереди Санъ-Стефано нашимъ войскамъ.

Вскорѣ заключенъ былъ миръ, главнокомандующій отбылъ въ Россію, и мы, ординарцы, послѣдовали за его высочествомъ.

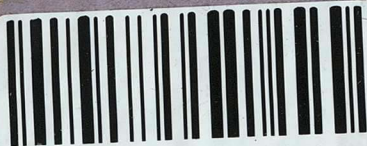
Прибывъ въ Петербургъ, главнокомандующій былъ торжественно встрѣченъ на вокзалѣ государемъ императоромъ. Черезъ нѣсколько дней насъ, ординарцевъ, откомандировали, снабдивъ прогонными деньгами и наградивъ двухмѣсячнымъ отпускомъ, послѣ котораго мы должны были вернуться обратно въ свои полки. Такъ закончилась счастливѣйшая пора всей моей жизни. По истеченіи разрѣшеннаго мнѣ отпуска, я поспѣшилъ вернуться въ стоявшій въ городѣ Родосто, на Мраморномъ морѣ, лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ принять 4-й эскадронъ, съ которымъ и прибылъ 1-го сентября 1878 года въ городъ Варшаву.

Уже 12 лѣтъ протекло со времени описанныхъ мною событій, но всѣ подробности пережитаго счастливаго прошлаго, на ординарческой службѣ у августѣйшаго главнокомандующаго, храню съ чувствомъ истиннаго благоговѣнія въ моемъ признательномъ воспоминаніи.

L. 8499.

РХТ
МЗ

2007344329